

АКСТИНИЯ А

Эффект сияния: Формула Тофаны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Акстиния А

Эффект сияния: Формула Тофаны

<https://litres.ru/74145144>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они думали, что покупают премиальный крем. На самом деле они финансировали революцию.

Елена годами жила в золотой клетке, где каждое движение отслеживалось умными часами, а воля подавлялась «заботой» мужа-тирана. Всё изменилось, когда в её жизни появился клан Тофана — команда женщин, которые взламывают патриархат не ядом, а ретинолом, кодом и радикальной эмпатией.

Под вывеской элитного косметического бренда скрывается подпольная сеть спасения. Флаконы с сывороткой передают зашифрованные данные, биометрия абьюзеров становится ключом к их же сейфам, а «побочный эффект» крема — внезапное прозрение и побег. Но когда на кону стоит слияние с китайским конгломератом и свобода десятков женщин, игра выходит на новый уровень.

Глянцевый триллер о том, как спасти себя, когда мир требует покорности. И да, после долгой ночи всем нужно немного сияния.

Содержание

Глава 1. Сыворотка правды и бергамот (POV: Джулс)	4
Глава 2. Изоамилацетат и ошибки 404 (POV: Матео)	16
Глава 3. Эпидемия совести (POV: Марко)	26
Глава 4. Ходячий баг в Logo Piana (POV: Джулс)	38
Глава 5. Золотая клетка и гиалуроновая кислота (POV: Елена)	48
Глава 6. Цифровой след и ретинол (POV: Матео)	57
Глава 7. Допрос с пристрастием к кокосу (POV: Марко)	73
Глава 8. Исчезновение по-итальянски (POV: Джулс)	86
Конец ознакомительного фрагмента.	93

АКСТИНИЯ А

Эффект сияния: Формула Тофаны

Глава 1. Сыворотка правды и бергамот (POV: Джулс)

Сардиния в июле пахнет разогретым на солнце можжевельником, солью и чужими деньгами. Но если принюхать — а я всегда принюхиваюсь, это, знаете ли, профессиональная деформация, — под слоем дорогих нишевых ароматов всегда пробивается он. Запах скрытой паники. Он пахнет слегка кисловато, как забытый в машине латте, и маскируется тоннами *Le Labo Santal 33* и *Baccarat Rouge 540*.

Я стояла на палубе яхты «*L'Imperatrice*», лениво вращая в руке бокал с ледяной франчакортой. Пузырьки вина ударяли в стенки хрусталя с тихим, почти гипнотическим звуком. Вокруг меня кипела жизнь, которую принято называть «сладкой», хотя на деле она больше напоминает гляцевую версию дня сурка. Мужчины в льняных костюмах, которые стоят как крыло от небольшого самолета, обсуждали кризис на рынке недвижимости и свои новые электрокары. Женщи-

ны в шелке, который струится по телу, как жидкая ртуть, смеялись над шутками, которые не были смешными, и поправляли бриллиантовые кольца, тяжелые, как кандалы.

Меня зовут Джулия. Для друзей — Джулс. Для налоговой и реестра юридических лиц — Джулия Тофана, CEO и основательница бренда органической уходовой косметики *Aqua Beauty*. Наш флагманский продукт, сыворотка «Aqua Glow», обещает женщинам сияние, увлажнение и защиту от агрессивной городской среды.

Что ж, технически мы не врем. Мы просто очень, очень сильно меняем «городскую среду» вокруг наших клиенток.

— Джулия, дорогая! — раздался голос, от которого у меня рефлексивно напряглись мышцы шеи.

Я обернулась, натягивая на лицо ту самую улыбку, которую отработывала перед зеркалом еще в подростковом возрасте: уголки губ приподняты, глаза остаются абсолютно холодными и расчетливыми. Ко мне плыла Виттория. Точнее, она не плыла, а семенила, стараясь занимать как можно меньше пространства, что само по себе было нонсенсом для женщины в платье от *Valentino* цвета спелой вишни.

— Виттория, — я коснулась ее воздуха где-то в районе плеча, избегая прямого контакта. — Ты выглядишь... напряженно. Твой лимфодренаж сегодня явно халтурил.

Виттория нервно хихикнула, ее пальцы с идеальным, но слегка обкусанным по краям маникюром вцепились в мой локоть. — Он здесь, Джулс. Лоренцо здесь. И он... он сегодня

в «настроении».

Я перевела взгляд через плечо Виттории. У барной стойки, громко смеясь и брызгая слюной в лицо несчастному сомелье, стоял Лоренцо Валли. Продюсер, визионер, филантроп и, по совместительству, чудовище, которое систематически превращало жизнь своей жены в филиал ада на земле. Лоренцо был из тех мужчин, которые считают, что газлайтинг — это форма искусства, а финансовое насилие — проявление заботы. Он занимал собой слишком много места: и физического, и эмоционального. От него веяло тяжелым, давящим эго, смешанным с запахом дорогого табака и перегара.

— Я вижу его, — спокойно ответила я, делая глоток вина. Пузырьки приятно щекотали нёбо. — Виттория, мы же все обсудили. Ты помнишь, что нужно делать?

Она судорожно кивнула, ее зрачки были слегка расширены. Страх. Чистый, незамутненный кортизол. В семнадцатом веке моя прапрапрабабушка, легендарная Джулия Тофана, решала такие проблемы радикально. Ее «Аква Тофана» — смесь мышьяка, свинца и белладонны — была безвкусицей и не имела запаха. Римские патриции падали замертво за обеденным столом, а их вдовы, получив свободу и состояние, молились на портрет моей прародительницы.

Но на дворе двадцать первый век. Мышиный яд — это моветон, криминал и, что самое ужасное, *испорченный маникюр* от возни с уликами. К тому же, смерть слишком проста.

Смерть не заставляет абьюзера осознать свою ничтожность. Смерть делает его мучеником в глазах общественности.

Нет. В 2026 году настоящий яд — это компрометация. А настоящее спасение — это радикальная, невыносимая эмпатия.

— У тебя с собой флакон? — спросила я, понижая голос до бархатного шепота, который идеально сливался с шумом волн, бьющихся о борт яхты.

Виттория едва заметно кивнула, ее рука скользнула в крошечный клатч. — Да. Тот самый. С бергамотом.

— Отлично. Слушай меня внимательно. Через десять минут Лоренцо выйдет на сцену, чтобы объявить о запуске своего нового «благотворительного фонда» по защите прав женщин. Ирония, достойная пера Свифта, не так ли? Как только он возьмет микрофон, ты подойдешь к нему. Поправишь ему воротник. Скажи, что он выглядит неряшливо перед камерами. И нанеси *одну* каплю. Прямо на пульс, на сонную артерию. Поняла?

— Одну каплю, — прошептала Виттория, как заклинание. — А что... что будет? Ты так и не сказала мне точно.

Я улыбнулась, и в этот раз улыбка коснулась глаз. — Он просветлеет, дорогая. Он наконец-то увидит мир таким, какой он есть. И себя в нем. А теперь иди. Покажи ему, как сильно ты его любишь.

Виттория вдохнула воздух, расправила плечи (насколько позволял корсет платья) и направилась к бару. Я осталась

стоять у борта, наблюдая за сценой, разворачивающейся передо мной, как за дорогой театральной постановкой, где я была и режиссером, и единственным зрителем в партере.

Мой внутренний монолог, обычно напоминающий бесконечную ленту аналитических таблиц и списков дел, сейчас работал в режиме замедленной съемки. Я анализировала микро-выражения лиц гостей. Вот жена банкира, которая скучает так сильно, что готова убить за тарелку нормальной пасты карбонара, а не за эту пенополистирольную эмульсию с трюфелем, которую нам только что разносили. Вот молодой IT-инфлюенсер, который фотографирует свой коктейль под таким углом, чтобы было видно часы *Patek Philippe*, подаренные ему спонсором.

Мир был полон фальши. И моя работа заключалась в том, чтобы точно, хирургически вскрывать эти нарывы.

На импровизированной сцене в носовой части яхты зазвучала легкая, ненавязчивая музыка. Свет приглушился, оставив лишь мягкие золотистые лучи, бьющие из-под палубы. Лоренцо Валли, широко улыбаясь, поднялся по ступенькам. Он выглядел как греческий бог, если бы греческие боги злоупотребляли ботоксом и имели проблемы с эмпатией.

— Дамы и господа! — его голос, усиленный микрофоном, разлился над палубой. — Сегодня особенный вечер. Сегодня мы не просто пьем это великолепное вино. Сегодня мы закладываем фундамент будущего! Фундамент, где каждая женщина будет чувствовать себя защищенной, услышанной

и...

Я закатила глаза. О, боги, он еще и цитирует корпоративные брошюры. Кринж. Абсолютный, неразбавленный кринж.

В этот момент к сцене подошла Виттория. Она двигалась на удивление плавно. Страх сменился какой-то странной, ледяной решимостью. Лоренцо нахмурился, заметив ее. Его микро-выражение лица — легкое презрение, смешанное с раздражением от того, что его прервали, — было зафиксировано моей сетчаткой и отправлено в архив под грифом «Токсичный нарцисс, уровень 8 из 10».

— Дорогой, — голос Виттории прозвучал на удивление громко и четко. Микрофон уловил его и разнес по всей яхте. — Твой воротник. Ты же знаешь, как ты не любишь, когда вещи лежат неидеально. Перед камерами...

Лоренцо замер. Его это не позволило ему устроить сцену при сотне свидетелей и десятках объективов. Он выдавил натянутую улыбку. — Конечно, милая. Поправь.

Виттория шагнула ближе. Я видела, как ее пальцы, слегка дрожащие, коснулись плотной ткани его смокинга. В ее ладони был зажат крошечный, замаскированный под пробник духов, флакон из матового стекла. Одно нажатие на невидимый дозатор.

Пи-ш-ш.

Звук был почти неслышным, но я знала, что произошло. Микроскопическое облако аэрозоля осело на кожу его шеи,

прямо над сонной артерией.

Формула «Аква Эмпатия» (так мы называли ее в лаборатории, в отличие от коммерческого «Aqua Glow») была шедевром нейрохимии. Матео, мой гениальный, невротичный младший брат и по совместительству главный алхимик Клана, потратил два года на ее синтез. Это был трансдермальный нейромодулятор. Проникая через кожу в кровоток, он преодолевал гематоэнцефалический барьер за считанные секунды и точно бил по миндалевидному телу и префронтальной коре. Он не вызывал галлюцинаций. Он не парализовывал волю.

Он просто отключал все психологические защиты, рационализации и эго-механизмы, оставляя человека один на один с его собственной совестью. А если совести не было... что ж, препарат искусственно стимулировал выработку окситоцина и зеркальных нейронов, заставляя агрессора *физически* ощущать всю ту боль, которую он причинил другим.

Лоренцо моргнул. — Пахнет... лимоном? — пробормотал он, слегка касаясь шеи.

— Бергамотом, дорогой, — тихо ответила Виттория и сделала шаг назад. — Свежесть. Тебе идет.

Она развернулась и ушла в тень пальм, растущих в огромных кадках на палубе. Я мысленно аплодировала ее выдержке.

Лоренцо повернулся обратно к гостям. Он открыл рот, чтобы продолжить свою пафосную речь о защите прав жен-

щин, но слова застряли у него в горле.

Я наблюдала за тем, как химия берет верх над биологией. Это всегда завораживающее зрелище. Сначала меняется дыхание. Оно становится поверхностным, рваным. Затем зрачки. Они расширяются, поглощая радужку, пытаюсь вместить в себя весь ужас внезапно обрушившегося на него осознания. Кожа на лице приобрела землистый оттенок, а по вискам проступили крупные капли пота, мгновенно разрушившие идеальный матирующий тон, нанесенный его визажистом.

— Мы... мы закладываем фундамент... — хрипло выдавил Лоренцо. Микрофон предательски засипел. — Фундамент... лжи.

В зале повисла тишина. Та самая, звенящая тишина, которая бывает только перед тем, как рухнет небоскреб или лопнет мыльный пузырь стоимостью в миллиард долларов. Гости переглядывались. Кто-то нервно хихикнул, думая, что это часть перформанса.

— Лоренцо? — осторожно окликнул его кто-то из первых рядов, вероятно, его бизнес-партнер. — Ты в порядке? Тебе принести воды?

Лоренцо посмотрел на свои руки. Он смотрел на них так, будто видел их впервые и обнаружил, что они по локоть в крови. — Воды? — его голос сорвался на визг. — Какую, к черту, воду?! Вы знаете, сколько я украл у этого фонда?! Вы знаете, что деньги, которые вы сегодня жертвуете, пойдут на

оплату моих долгов в казино Макао и на покупку виллы для моей... моей...

Он задохнулся. Слезные железы, стимулированные нейротоксином, открыли шлюзы. Из глаз продюсера, известного своей жестокостью и холодностью, хлынули настоящие, неподдельные слезы. Он упал на колени прямо на тиковую палубу, с грохотом роняя микрофон.

— Я паразит! — взвыл Лоренцо, и этот вой эхом разнесся над спокойными водами Тирренского моря. — Я уничтожил карьеру тридцати двух женщин! Я заставлял их подписывать NDA под угрозой шантажа! Я газлайтил свою жену десять лет! Десять лет, черт возьми! Я говорил ей, что она сумасшедшая, что она ничего не стоит без меня! А она... она ангел! Она святая!

Толпа замерла. Сомелье выронил поднос с закусками. Звон разбитого хрусталя прозвучал как стартовый пистолет. Начался хаос.

Кто-то начал снимать на телефоны, вспышки резали темноту, как стробоскопы на рейве. Охрана в черных костюмах растерянно топталась на месте, не зная, то ли тащить своего босса в каюту, то ли самим начать каяться в грехах.

— У меня есть офшоры на Каймановых островах! — продолжал исповедоваться Лоренцо, размазывая слезы и сопли по лацканам смокинга от *Brioni*. — Я не плачу налоги с две тысячи двенадцатого года! Я спал с женой моего лучшего друга, и мне было плевать, что он болен раком! Я чувствую...

Боже, как мне больно! Как им всем было больно из-за меня! Арестуйте меня! Кто-нибудь, вызовите карабинеров! Я не могу больше жить с этим грузом! Это невыносимо!

Я стояла в стороне, наблюдая за этой великолепной симфонией разрушения. Никакой крови. Никаких трупов, которые нужно прятать в бочках с кислотой. Только звон разбитых репутаций и хруст рушащихся империй. Инквизиция Папы Римского в семнадцатом веке пыталась вырвать признания с помощью дыбы и раскаленных щипцов. Мои методы были гуманнее, эстетичнее и, смейте заметить, гораздо эффективнее. Лоренцо не просто признавался. Он *раскаивался*. И это раскаяние будет преследовать его до конца его дней. Он сам, своими руками, отдаст себя в руки правосудия и передаст все свои активы жене в качестве компенсации морального ущерба. Потому что «Аква Эмпатия» не имеет антидота. Нейронные связи перестроились. Лоренцо Валли теперь навсегда останется человеком с обостренным чувством социальной ответственности и хронической, неизлечимой совестью.

В кармане моего шелкового пиджака тихо завибрировал телефон. Я достала его, прикрывая экран от чужих глаз.

Сообщение от Матео: *«Пульс объекта 140, давление падает. Уровень окситоцина зашкаливает. Джулс, ты видела его лицо? Я только что взломал его облако. Перевожу 80% его ликвидных активов на счета кризисных центров для женщин. Оставляю ему на такси и на психотерапевта. P.S.*

Надеюсь, ты не пролила вино на платье, я знаю, как ты ненавидишь химчистку».

Я усмехнулась, набирая ответ одним пальцем: *«Платье в безопасности. Объект на сцене, рыдает и сдает свои пароли. Виттория выглядит как королева. Возвращаюсь на базу. Завари свой дурацкий матча, у меня начинается мигрень от чужого катарсиса».*

Я спрятала телефон и сделала последний глоток франча-корты. Вино было великолепным — сухим, с нотками зеленого яблока и миндаля.

Лоренцо все еще лежал на палубе, обнимая ноги одного из официантов и умоляя простить его за то, что он три года назад не оставил чаевые. Официант, парень лет двадцати, выглядел так, будто ему предложили корону Британской империи.

Я повернулась и неспешно направилась к трапу. Мне не нужно было ждать окончания шоу. Режиссеру не обязательно сидеть в зале, когда зажигается свет и уборщики начинают подметать попкорн.

Ночной воздух Сардинии ударил в лицо, прохладный и свободный от запаха чужой паники. Я глубоко вдохнула. Можжевельник. Соль. И едва уловимый, призрачный аромат бергамота, который теперь навсегда будет ассоциироваться у местной элиты с приступами радикальной честности.

Садясь в черный, тонированный *Mercedes Maybach*, который ждал меня у пирса, я откинулась на спинку кожаного

кресла и закрыла глаза.

— Куда едем, синьора Тофана? — спросил водитель, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— В лабораторию, Марко, — ответила я, снимая туфли на шпильках и с наслаждением пошевелив пальцами ног. — У нас новый заказ. И, кажется, на этот раз нам понадобится формула покрепче. С привкусом сандала и полного банкротства.

Машина плавно тронулась, увозя меня прочь от сияющих огней яхты, в темноту, где мой Клан продолжал свою тихую, невидимую и такую необходимую миру работу. История не терпит пустоты. И если закон бессилён, на сцену выходит косметика.

Глава 2. Изоамилацетат и ошибки 404 (POV: Матео)

Миланский подвал пах стерильностью, лавандой и перегретым кремнием.

Если быть точным, воздух здесь фильтровался через систему HEPA-фильтров класса H14, обновляясь каждые двенадцать минут. Температура поддерживалась на уровне 21.5 градусов по Цельсию, а влажность застыла на отметке 45%. Для обычного человека это помещение показалось бы похожим на операционную, скрещенную с серверной фермой где-нибудь в Исландии. Для меня это было единственное место на планете, где мир имел смысл.

Меня зовут Матео. В документах я прохожу как «консультант по биохимическим инновациям» в *Aqua Beauty*. В темных уголках даркнета меня знают под ником *Alchemist_404*. А в собственной голове я — человек, который отчаянно пытается упорядочить хаос вселенной с помощью молекулярных решеток и строчек Python.

Я стоял перед хромированным столом, на котором в свете кольцевой LED-лампы переливалась жидкость в колбе из боросиликатного стекла. Цвет был идеальным: бледно-золотистый, с легким перламутровым отливом, напоминающим рассвет над Тосканой.

— Плотность 1.04 грамма на кубический сантиметр, — пробормотал я, глядя на дисплей цифрового денсиметра. — Показатель преломления в норме. Осталось стабилизировать липосомную оболочку.

Я потянулся к пипетке. Мои руки, обычно склонные к легкому тремору от переизбытка кофеина, сейчас были тверды, как скальпель хирурга. Химия не терпит суеты. Химия — это поэзия, где вместо рифмы используются ковалентные связи.

В этот момент мой умный браслет тихо пискнул на запястье. Вибрация. Я скосил глаза на экран. *Уровень кортизола: повышен. Рекомендация: дыхательные упражнения или 50 мг L-теанина.*

— Заткнись, — прошептал я браслету. — Я не в стрессе. Я в состоянии гиперфокуса. Это разные вещи.

Но браслет был упрям, как и моя нервная система. Я знал, что если сейчас понюхать мою кожу, она будет слегка отдавать бананами. Изоамилацетат. Побочный продукт метаболизма адреналина. Ненавижу этот запах. Он напоминает мне дешевые леденцы из детства и панические атаки в старшей школе, когда я пытался объяснить учителю физики, что его понимание термодинамики фундаментально ошибочно.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь перебить воображаемый банановый шлейф ароматом лаванды, который струился из диффузора в углу. Лаванда успокаивает. Лаванда — это линалоол и линалилацетат. Они связываются с ГАМК-рецеп-

торами в мозгу, тормозя возбуждение центральной нервной системы.

Вдох. Выдох. Молекулы связываются. Пульс замедляется.

Я вернулся к колбе. Сегодня мы варили не просто «Аква Эмпатия». Сегодня была партия «Аква Эмпатия: Версия 2.0. Бета-тест». Джулс попросила усилить эффект катарсиса, но уменьшить физическую слабость. Клиенты (читай: абьюзеры) не должны падать в обморок до того, как подпишут документы о передаче активов. Они должны оставаться в сознании, чтобы в полной мере насладиться вкусом собственного позора.

Я добавил три капли модифицированного пептида. Жидкость в колбе на секунду помутнела, а затем снова стала кристально прозрачной. — Бинго, — выдохнул я. — Джулс будет довольна.

Я отошел от химического стола и рухнул в эргономичное кресло *Herman Miller* перед полукругом из шести мониторов. Здесь начиналась моя вторая смена. Если химия была поэзией, то код был архитектурой. И я был одержим тем, чтобы в зданиях, которые я строил в цифровом пространстве, не было щелей.

Экраны вспыхнули, заливая мое лицо холодным голубым светом. Я надел наушники с костной проводимостью, включил эмбиент-трек, сгенерированный нейросетью специально для моей мозговой активности (бинауральные биты на ча-

стоте 14 Гц для бета-волн), и погрузился в поток.

Мои пальцы замелькали над механической клавиатурой с кастомными свичами, издававшими приятный, тактильный щелчок. Я проверял логи нашего защищенного сервера, через который проходили транзакции *Aqua Beauty*. Все чисто. Криптовалютные кошельки, на которые уходили средства от «пожертвований» наших раскаявшихся клиентов, работали как швейцарские часы.

Но потом я заметил это.

Шум.

В мире данных шум — это как пыль на черной бархатной куртке. Он везде, но ты не должен его замечать, если не ищешь. А я искал всегда. Мой скрипт-сторож, который я написал еще в прошлом году, чтобы отслеживать аномалии в глобальных финансовых потоках, выдал красную метку в секторе 4G.

Я нахмурился, придвигаясь ближе к центральному монитору. — Что у нас тут? — пробормотал я, щелкая мышью. — Маршрутизация через три прокси-сервера на Кипре, Сингапуре и, прости господи, в Северной Корее? Кто-то очень не хочет, чтобы его видели.

Я запустил трассировку. Пальцы запорхали над клавишами, вызывая терминалы. Строчки кода побежали вниз, как зеленый дождь в «Матрице», только без Киану Ривза и с гораздо большим количеством опечаток от волнения. Мой мозг переключился в режим охоты. Изоамилацетат снова

ударил в нос. Бананы. Черт.

Через четыре минуты я пробил внешний слой защиты. Это была не банковская система. Это было что-то более... личное. И более изощренное.

На экране открылась панель управления «умным домом». Но не просто домом. Это был пентхаус в элитном районе Милана, принадлежащий Роману Волкову.

Волков. IT-миллиардер, создатель экосистемы «*Volkov Tech*», человек, чье лицо не сходило с обложек *Forbes* и *Wired*. Гений, визионер, социопат. В прессе его называли «новым Маском, только без шуток в Твиттере». В моих кругах его называли «ходячим багом в матрице».

Я открыл логи системы безопасности его пентхауса. И то, что я увидел, заставило меня забыть о дыхании.

Это была не просто система «умного дома». Это была цифровая тюрьма.

Камеры в каждой комнате, включая ванную. Микрофоны, встроенные в каркасы кроватей. Но самое ужасное было в разделе «Биометрический контроль».

Я кликнул на профиль «Елена В. (Супруга)».

Открылась панель мониторинга. В реальном времени транслировались ее показатели: пульс, уровень кислорода в крови, температура тела, фазы сна. На ней были надеты «умные» часы, которые, судя по всему, она не могла снять. Но часы были не просто трекером фитнеса. Они были связаны с системой климат-контроля и освещения в доме.

Я начал читать код, управляющий этой связкой, и меня затошнило. Не от запаха изоамилацетата, а от чистой, концентрированной жестокости, защитой в алгоритмы.

ЕСЛИ (Пульс_Елены > 100 уд/мин) И (Голос_Волкова_повышен = TRUE) ТОГДА (Выпустить_в_спальне_аэрозоль_лаванда_ромашка + Приглушить_свет).

ЕСЛИ (Елена_покидает_периметр_дома) И (Волков_не_подтвердил_выход) ТОГДА (Заблокировать_двери + Включить_белый_шум_80дБ).

Он использовал технологии, чтобы газлайтить ее на биологическом уровне. Если она начинала паниковать из-за его криков, дом «успокаивал» ее, заставляя ее мозг думать, что она сходит с ума от беспричинной тревоги. Если она пыталась уйти, дом превращался в бункер.

— Мразь, — выдохнул я в пустоту лаборатории. — Технологическая, высокоэффективная мразь.

Но это было еще не все. Я копнул глубже, в его личные облачные хранилища. Волков был параноиком и хранил компромат на всех, включая себя. Я нашел папку, зашифрованную ключом RSA-4096. Взломать ее в лоб было невозможно, но Волков, как и многие нарциссы, был предсказуем. Паролем оказалась дата его первой победы на хакатоне в 2008 году. Это всегда оставляет след.

Папка открылась. Внутри были PDF-файлы и аудиозаписи.

Я открыл первый документ. Это был контракт на передачу

контрольного пакета акций «*Volkov Tech*» в офшорный траст. Подпись внизу принадлежала Елене.

Я открыл аудиофайл, привязанный к этому контракту. Звук был чистым, записанным с петличного микрофона. Слышно было тяжелое, ровное дыхание спящего человека. И голос Волкова, тихий, деловой: *«Подведи ее руку к планшету. Активируй сканер отпечатка. Отлично. Теперь сетчатка. Приложи камеру к ее открытому глазу. Идеально. Подписано. Утром она ничего не вспомнит, я подмешал ей тройную дозу золпидема в вечерний чай».*

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как холодная ярость сковывает грудь. Он использовал ее спящее тело как цифровую прокладку. Все мошеннические схемы, все уходы от налогов, все махинации с акциями были оформлены на нее. Если бы грянул гром, если бы начались проверки, в тюрьму села бы Елена. А Волков вышел бы сухим из воды, изображая жертву козней безумной жены.

Она была его «цифровым щитом». Живым, дышащим громоотводом.

Мой браслет снова завибрировал. *Уровень кортизола: критический. Обнаружены признаки панической атаки. Вызвать экстренные службы?*

— Отмена! — рывкнул я, срывая браслет с руки и швыряя его на стол.

Я встал, начав мерить шагами лабораторию. Мои кроссовки тихо шуршали по антистатическому линолеуму. Мне

нужно было что-то разбить. Или написать вирус, который сожжет все серверы Волкова дотла. Но я знал, что нельзя. Если я просто сожгу его серверы, он уничтожит Елену. Физически. Такие люди, как он, не прощают потерю контроля.

Нужен был скальпель. А не кувалда.

Я остановился у климатической камеры, где дозревала партия ночного крема с ретинолом. Термометр на дверце показывал 22.1 градуса. — Черт! — взвизгнул я. — Двадцать два и один! Ретинол деградирует!

Я бросился к панели управления климатом, лихорадочно вводя команды для понижения температуры. Крем стоил дороже, чем мой автомобиль. Если он свернется, Джулс убьет меня. И будет права. Косметика — это святое. Это то, что мы даем женщинам, чтобы они чувствовали себя защищенными хотя бы снаружи, пока мы чиним их мир изнутри.

Когда температура стабилизировалась на 21.0, я выдохнул и вытер пот со лба.

Ладно. Матео, соберись. Ты алхимик. Ты хакер. Ты не просто мальчик с банановым запахом страха.

Я вернулся за компьютер и открыл новый файл. Я назову этот проект «Троянский Конь для Офшоров». Мне нужно было создать вирус, который не просто украдет деньги Волкова, но и перепишет историю. Вирус, который найдет все поддельные подписи Елены, аннулирует их и переведет реальные активы на ее имя, заблокировав Волкову доступ к его же империи.

Но для этого мне нужен был физический доступ к его главному серверу. А он находился в его пентхаусе.

Мой телефон лежал рядом с клавиатурой. Экран загорелся. Сообщение от Джулс.

«Платье в безопасности. Объект на сцене, рыдает и сдает свои пароли. Виттория выглядит как королева. Возвращаюсь на базу. Завари свой дурацкий матча, у меня начинается мигрень от чужого катарсиса».

Я улыбнулся. Джулс. Моя сестра. Мой якорь в этом безумном мире. Она всегда знала, что сказать, чтобы вернуть меня в реальность.

Я набрал ответ: *«Матча будет готов. Но у нас проблема. Вернее, клиент. Роман Волков. Он не просто абьюзер, Джулс. Он использует жену как биометрический кошелек и громоотвод. Он подделывает ее подпись, пока она спит под седативными. Нам нужно ее украсть. Срочно. И нам нужно обнулить его. Я начинаю писать код, но мне нужен план внедрения. P.S. Ретинол спасен. Еле-еле».*

Я отправил сообщение и откинулся в кресле. На мониторе передо мной все еще светилась фотография Елены Волковой из профиля в соцсетях. Она улыбалась на фоне яхты. Улыбка была идеальной. Слишком идеальной. За ней скрывался крик, который никто не слышал, потому что он был заглушен белым шумом в 80 децибел и ароматом лаванды.

Я открыл терминал и начал печатать первую строчку кода.
`import empathy from justice import retribution`

— Держись, Елена, — прошептал я в гул серверов. — Алхимик идет. И он принесет не только крем для лица.

Глава 3. Эпидемия совести (POV: Марко)

Мир Марко Вити состоял из оттенков серого, коричневого и того специфического желтоватого цвета, который приобретают старые бумажные папки, если хранить их в помещении с плохой вентиляцией.

Было 7:14 утра. За окном его кабинета в римской штаб-квартире Интерпола моросил нудный, липкий дождь, превращающий Вечный город в размытую акварель. Марко сидел за своим столом, массивным, как надгробная плита, и смотрел на кофейную чашку. Кофе из автомата в коридоре имел вкус жженой резины и разочарования, но это был единственный легальный стимулятор, который Марко мог позволить себе в таком количестве, не вызывая подозрений у отдела внутренних расследований.

Он сделал глоток, поморщился и потянулся, пытаясь размять затекшую шею. Позвоночник Марко напоминал тетрис, в который играл пьяный. Грыжа в поясничном отделе (L4-L5, привет от двадцати лет полевой работы) ныла предательски и монотонно, синхронизируясь с пульсацией неоновой вывески пиццерии напротив. В свои сорок пять Марко чувствовал себя антикварным экспонатом, который забыли сдать в музей и оставили пылиться на улице.

На столе перед ним лежала папка с грифом «Строго конфиденциально». На обложке маркером было выведено: «Дело № 88-Б. Серия "Альтруисты"».

Марко ненавидел это название. Он сам его придумал, в приступе черного юмора, в три часа ночи, когда его мозг отказывался принимать реальность.

Он открыл папку. Сверху лежало фото Лоренцо Валли. Снимок был сделан скрытой камерой два дня назад, у здания прокуратуры. Лоренцо не выглядел как человек, которого шантажируют или заставляют. Он выглядел как монах-францисканец, только в смокинге от *Brioni*, который теперь был безнадежно испорчен слезами и соплями. Валли сам пришел в участок. Сам положил на стол флешки с компроматом на себя. Сам попросил закрыть его в камере предварительного заключения, потому что «на свободе его это может снова взять верх, а это опасно для общества».

Марко потер переносицу. — Бред, — прошептал он в пустоту кабинета. — Полный, концентрированный бред.

За последние полгода по всей Европе прокатилась волна. Марко называл это «Эпидемией Совесть». Десять человек. Десять крупнейших бизнесменов, политиков и продюсеров. Все — мужчины. Все — известны своей жестокостью, связями с мафией, уклонением от налогов и привычкой уничтожать конкурентов и женщин одним щелчком пальцев. И все десять за один месяц пережили идентичные, клинически необъяснимые психические срывы.

Они не просто сдавались полиции. Они *каялись*. Публично. Истерично. С подробностями, от которых у следователей краснели уши, а у прокуроров отвисала челюсть. Они переписывали состояния на благотворительные фонды, уходили в монастыри или начинали волонтерить в приютах для бездомных собак, рыдая над каждой дворнягой, как над родным ребенком.

Коллеги Марко из отдела киберпреступлений грешили на экспериментальные нейросети и deepfake-шантаж. Психиатры из профиля говорили о массовом психозе, вызванном новым штаммом вируса или микотоксинами в элитном вине. Но Марко был старым ищейкой. Он чуял запах пороха, даже если его маскировали ароматом ладана.

Здесь не было шантажа. Шантажист хочет денег или власти. Тот, кто сделал это, хотел *справедливости*. А это, по мнению Марко, было самым опасным мотивом из всех возможных. Люди, вершащие справедливость вне закона, обычно заканчивали тем, что начинали сжигать ведьм.

В дверь постучали. Три коротких, уверенных удара. — Войдите, — хрипло бросил Марко, задвигая папку под стопку счетов за коммуналку.

Дверь открылась, и в его серо-коричневый кабинет ворвался цвет.

Это была Виттория Валли. Точнее, теперь она требовала называть ее просто Вит, без всяких «синьор» и привязок к фамилии мужа-продюсера. Если две недели назад, на первых

предварительных слушаниях, она выглядела как фарфоровая кукла, которую вот-вот уронят на бетон, то сегодня перед Марко стояла женщина, излучающая столько здоровья и внутренней силы, что у него заболели глаза.

Она была в льняном костюме цвета необработанного песка, с распущенными волосами, выгоревшими на солнце до оттенка карамели. Никакого тяжелого макияжа. Кожа сияла так, будто она только что вернулась с месячного ретрита на Бали, где ее кормили исключительно росой и мантрами. Но самое ужасное — она пахла.

Не духами. Не потом. Она пахла кокосом, свежим инжиром и, прости господи, *осознанностью*.

— Доброе утро, инспектор Вити, — ее голос был мягким, но в нем звенел стальной стержень, которого раньше и в помине не было. — Я принесла вам это.

Она поставила на его заваленный бумагами стол бумажный стаканчик с конденсатом на стенках. — Смужи. Шпинат, спирулина, корень мака и немного имбиря. Для иммунитета. Вы выглядите так, будто ваш организм сейчас борется с чем-то очень тяжелым.

Марко посмотрел на стаканчик, потом на Витторию, потом на свою чашку с жженой резиной. — Синьора Валли... — Просто Вит, — поправила она, устраиваясь на жестком стуле для посетителей так, словно это был трон. — Вит. Спасибо за... биомассу. Но мы здесь не для того, чтобы обсуждать мой иммунитет. Мы здесь, чтобы закрыть формально-

сти по делу вашего мужа.

Марко открыл блокнот, щелкнул кнопкой дешевой шариковой ручки. Ему нужно было вернуть контроль над ситуацией. Ему нужен был допрос, а не сеанс ароматерапии. — Ваш муж находится в клинике Сан-Рафаэле под наблюдением трех психиатров. Диагноз: острый диссоциативный эпизод на фоне, цитирую, «невыносимого груза моральной ответственности». Врачи говорят, что он пишет мемуары под названием «Я был монстром». Вы понимаете, что происходит, Вит?

Она улыбнулась. Улыбка была спокойной, как гладь озера в безветренный день. — Инспектор, я понимаю, что вселенная наконец-то выровняла баланс. Лоренцо долго нес в себе токсичность. Он был как сосуд, переполненный черной желчью. Просто... произошел перелив.

Марко нахмурился. *Токсичность. Баланс. Вселенная.* Лексикон инстаграмных лайф-коучей. Он терпеть не мог эту публику еще больше, чем коррумпированных политиков. — Перелив не случается просто так, Вит. Особенно у людей с таким уровнем эго, как у Лоренцо. Кто-то помог ему открыть крышку сосуда. Кто-то дал ему... скажем так, стимул.

Марко подался вперед, упираясь локтями в стол. Его спина предательски хрустнула. — В ночь на яхте, в Порто-Черво, вы подходили к нему. Охрана зафиксировала это на камеры. Вы поправляли ему воротник. Что вы ему сказали? Что вы ему дали?

Виттория рассмеялась. Звук был легким, как колокольчик, и абсолютно неуместным в этом кабинете, где годами выбивали признания у торговцев людьми. — Инспектор, вы мыслите такими... архаичными категориями. Вы ищете яд? Пистолет? Шантаж? Лоренцо не был отравлен. Он был *исцелен*.

— От чего? От здравого смысла? — рыкнул Марко. — От иллюзии собственной безнаказанности, — парировала она, даже не моргнув. — Я просто напомнила ему, кто он есть. А что касается того, что я ему дала...

Она полезла в свою плетеную сумку из переработанного океанического пластика и достала оттуда крошечный, матовый флакон. Марко напрягся. Рука рефлекторно дернулась к кобуре под пиджаком, хотя он знал, что это глупо.

Виттория открутила крышечку и протянула флакон ему. — Понюхайте.

Марко осторожно взял флакон. Стекло было прохладным. Он поднес его к носу и сделал короткий, осторожный вдох, как учили на курсах по обнаружению наркотических веществ. Бергамот. Свежий, терпкий, с легкой ноткой белого кедра и чего-то неуловимо цветочного. Никакой химии. Никакого запаха горького миндаля (цианид) или чеснока (фосфиды). Это пахло дорогим бутиком в центре Милана.

— Что это? — спросил он, возвращая флакон. — Это сыворотка «Aqua Glow» от бренда *Aqua Beauty*, — ответила Виттория, бережно убирая флакон обратно. — Это мой

дневной уход. Лоренцо всегда нервничал, когда я выглядела уставшей, и требовал, чтобы я наносила его ему на шею, чтобы он чувствовал себя... свежее. В тот вечер я просто сделала то, что он просил. А дальше... дальше сработала его собственная карма. Вы ведь не арестуете карму, инспектор?

Марко откинулся на спинку кресла, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Она играла с ним. Она сидела здесь, пила свой смузи со спирулиной и издевалась над ним, завернув свои слова в обертку из нью-эйдж бреда. Но самое ужасное было в том, что он не мог к ней придраться.

Нет тела — нет дела. Нет химического анализа крови с превышением ПДК — нет отравления. Токсикологи проверили Лоренцо вдоль и поперек. В его крови нашли только следы дорогого шампанского, антидепрессанты, которые он тайком жрал годами, и запредельный уровень окситоцина, который врачи списали на шок от «духовного прозрения».

— Вит, — тихо сказал Марко, стараясь, чтобы голос звучал мягко, по-человечески. — Я видел медицинские отчеты. Я знаю, что он делал с вами. Десять лет изоляции, финансового контроля, психологического насилия. Вы не обязаны его покрывать. Если кто-то помог вам... если кто-то заставил его сознаться, чтобы спасти вас... этот человек нарушил закон. Но я могу помочь. Я могу обеспечить вам программу защиты свидетелей. Вам не нужно бояться.

Виттория посмотрела на него. В ее глазах не было страха. В них было что-то худшее. Сострадание. Она смотрела на

него так, как смотрят на бездомного котенка, который шипит из-под машины, не понимая, что его хотят покормить. — Инспектор Вити... Марко. Можно я назову вас Марко? Он кивнул, стиснув зубы. — Вы привыкли к миру, где люди причиняют друг другу боль, а потом закон пытается их наказать. Но есть силы, которые работают тоньше. Мой муж не был принужден. Его это просто схлопнулось под весом его же грехов. А что касается *Aqua Beauty*... это просто косметика, Марко. Очень хорошая косметика. Она помогает женщинам чувствовать себя красивыми. А когда женщина чувствует себя красивой и уверенной, мир вокруг нее начинает меняться. Мужчины либо уходят, либо... трансформируются.

Она встала, элегантно поправив сумку на плече. — Я улетаю на Шри-Ланку. Учиться серфингу и медитации. Лоренцо сам предложил оплатить мое обучение и аренду виллы. Сказал, что это малая часть того, что он мне должен. Так что, инспектор... если у вас нет ко мне вопросов по поводу моих налоговых деклараций, я бы пошла. Мой Uber уже ждет.

Марко молча смотрел, как она выходит из кабинета. Она шла легкой, пружинящей походкой, оставляя за собой шлейф из кокоса и непоколебимой уверенности в собственной правоте.

Дверь закрылась. В кабинете снова стало тихо, если не считать гудения старого кондиционера.

Марко посмотрел на бумажный стаканчик со смузи. Зеленая жижа выглядела подозрительно. Он взял стаканчик и

вылил его в раковину в углу кабинета. Затем подошел к своему компьютеру, разблокировал экран и открыл браузер.

В строке поиска он вбил два слова: *Aqua Beauty*.

Экран мгновенно заполнился глянцем. Сайт был шедевром минимализма: пастельные тона, плавные анимации, фотографии женщин разного возраста с идеальной, сияющей кожей, которые смотрели в камеру с легкими, загадочными улыбками. Никаких агрессивных призывов «КУПИ СЕЙЧАС». Только мягкие манифесты о «возвращении к себе», «гармонии с природой» и «силе прикосновения».

Марко начал копать. Он открыл реестры юридических лиц. Основатель и СЕО — Джулия Тофана. *Тофана*. Фамилия звенела в его подсознании, как надтреснутый колокол. Он открыл архивы Интерпола и вбил фамилию в поиск по историческим базам данных.

Выдало сотни совпадений, но одно привлекло его внимание. Закрытое дело 1998 года. Неаполь. Отравление местного мафиозо. Подозреваемая — женщина по фамилии Тофана. Дело развалилось из-за недостатка улик. Экспертиза показала, что яд был выведен из организма естественным путем за часы до смерти, а смерть наступила от... сердечного приступа на фоне внезапного приступа паники.

Марко откинулся на спинку, сцепив руки на затылке. Боль в пояснице усилилась, но он не обращал на нее внимания. Пазл начинал складываться, и картина, которую он видел, ему совершенно не нравилась.

Это была не мафия. Мафия стреляет, взрывает машины и оставляет на трупах записки. Мафия хочет страха. Это было что-то другое.

Он вспомнил Витторию. Ее сияющую кожу. Ее спокойный голос. Ее уверенность. Он вспомнил жену банкира из Жене-вы, которая два месяца назад публично вывела на чистую воду своего мужа-мошенника, а потом уехала открывать приют для слонов в Таиланде. Он вспомнил дочь французского промышленника, которая слила в прессу документы о том, что ее отец сбрасывает токсичные отходы в Сену, после чего отец сам сдался властям и теперь вяжет носки для бездомных в тюрьме.

— Фей-крёстные, — прошептал Марко, и на его губах кривая, циничная усмешка. — Черт возьми, у меня появились фей-крёстные с лицензией на убийство. Только они убивают не людей. Они убивают их демонов. А заодно и их банковские счета.

Он снова посмотрел на экран, где светилось лицо Джулии Тофаны с сайта *Aqua Beauty*. Темные волосы, собранные в небрежный пучок, умные, слегка насмешливые глаза. Она выглядела как женщина, которая знает что-то, чего не знает весь остальной мир.

— Ладно, синьора Тофана, — пробормотал Марко, открывая новую папку на рабочем столе и называя ее «*Ведьмы из Милана*». — Посмотрим, из чего сделана ваша волшебная пудра.

Он знал, что ордер на обыск в их лаборатории или офисе он никогда не получит. Прокурор засмеет ему в лицо. «Инспектор Вити, вы хотите обыскать спа-салон премиум-класса потому, что их клиенты стали слишком честными? Вы переутомились. Идите в отпуск».

Значит, нужно идти другим путем. Путем, который Марко ненавидел больше всего. Путем потребителя.

Он достал свой личный телефон, открыл приложение для записи в элитные клиники и бутики. Его пальцы, привыкшие набирать рапорты об убийствах, неуверенно замерли над экраном.

— Так... Запись на консультацию. Флагманский бутик, Милан. Завтра на 15:00, — бормотал он, выбирая слот. — Имя... Ну, не Вити же.

Он вбил вымышленное имя. Затем его взгляд упал на графу «Проблемная зона / Запрос». Марко вздохнул, чувствуя себя последним идиотом, и выбрал из выпадающего списка: *«Тусклый цвет лица, стресс, потеря жизненных ориентиров»*.

— Надеюсь, у вас есть крем от идиотов, — проворчал он, нажимая кнопку «Подтвердить». — Потому что он мне точно понадобится.

Телефон пискнул, подтверждая запись. Марко допил свой остывший, отвратительный кофе, поморщился и посмотрел в окно. Дождь в Риме продолжал идти, серый и безнадежный. Но где-то там, на севере, в стерильных лабораториях и

глянцевых бутиках, кто-то варил зелья, которые делали этот мир лучше. И Марко Вити, агент Интерпола с грыжей и больной спиной, собирался выяснить, какова цена этого волшебства. Даже если для этого ему придется мазать лицо сывороткой с экстрактом улиток.

Глава 4. Ходячий баг в Loro Piana (POV: Джулс)

Флагманский бутик *Aqua Beauty* на Виа Монтенаполеоне в Милане был спроектирован так, чтобы вызывать у посетителей легкую, эйфорическую дезориентацию.

Здесь не было кричащих витрин и неоновых вывесок. Фасад из матового травертина и тонированного стекла напоминал вход в современный храм, где поклоняются не богам, а идеальной гидролипидной мантии кожи. Внутри пахло белым чаем, древесиной хиноки и едва уловимой ноткой ветивера — этот аромат, созданный Матео, на подсознательном уровне заставлял людей говорить тише, двигаться медленнее и тратить на тридцать процентов больше денег. Свет был рассеянным, падал под такими углами, что любые морщины казались оптической иллюзией, а отражения в зеркалах были откалиброваны так, чтобы каждая женщина видела себя на пять лет моложе и на десять процентов счастливее.

Я стояла за монолитной стойкой из розового кварца, лениво наблюдая, как наш старший консультант, юноша по имени Алессандро с безупречными скулами и дипломом по истории искусств, втирает в шею графини N. наш ночной пилинг. Графиня мурлыкала от удовольствия.

Идиллию нарушил звук входной двери.

Обычно наша дверь открывалась с мелодичным, почти извиняющимся вздохом пневматики. Но на этот раз она распахнулась с таким напором, что датчики движения буквально взвизгнули. Воздух в бутике, до этого спокойный и обволакивающий, мгновенно сжался, как пружина.

Я подняла глаза.

На пороге стоял Роман Волков.

Он был одет в кашемировое пальто *Loro Piana* цвета верблюжьей шерсти, которое стоило как годовая аренда квартиры в спальном районе Турина. Но даже эта безупречная, тихая роскошь не могла замаскировать его суть. Волков выглядел как человек, который считает, что слово «нет» — это просто баг в софте окружающих, который можно исправить, если пригрозить увольнением или купить их компанию. От него веяло холодом перегретого серверного помещения и запахом нишевого парфюма *Oud Wood*, который он, судя по всему, наносил не пшикая, а обливаясь из ведра.

Его аура была цвета просроченного дедлайна.

— Синьор Волков, — мой голос прозвучал ровно, с той самой интонацией безупречного гостеприимства, которую я оттачивала годами. Я обошла стойку, мои каблуки по мраморному полу издавали мягкий, уверенный стук. — Какой неожиданный визит. Обычно джентльмены вашего калибра присылают за подарками для своих спутниц личных ассистентов.

Волков не улыбнулся. Его лицо, с резко очерченными ску-

лами и глазами, в которых читался хронический недосып и привычка смотреть на людей как на метрики в дашборде, оставалось каменным.

— Джулия Тофана, — он не спросил, он констатировал факт, сканируя меня взглядом, словно оценивал ликвидность моих активов. — Мне нужно поговорить. Без свидетелей. И без этих... — он пренебрежительно махнул рукой в сторону Алессандро и графини, которая как раз открывала рот от возмущения. — ...продавцов замазок.

Я кивнула, сохраняя на лице маску вежливого согласия, хотя внутри у меня уже включился режим боевой тревоги. *Так вот ты какой, северный олень из мира IT*, подумала я. Матео был прав. Этот человек был не просто абьюзером. Он был ходячим, высокооплачиваемым багом в матрице.

— Конечно, Роман. Прошу в VIP-зону.

Я провела его в заднюю комнату, обитую звукопоглощающим шелком и меблированную низкими диванами из светлой кожи. Здесь пахло сандалом и тайнами. Я жестом предложила ему сесть, сама расположилась напротив, элегантно закинув ногу на ногу.

— Воды? Чаю? Шампанского? — предложила я. — У меня нет времени на светские ритуалы, синьора Тофана, — отрезал Волков, доставая из внутреннего кармана тонкий титановый портсигар, но не закуривая, а просто крутя его в пальцах, как четки. — Я человек дела. Я ценю эффективность. И я знаю, кто вы.

Я слегка приподняла бровь, позволяя себе капельку высокомерия. — Я СЕО косметического бренда, Роман. Мы делаем сыворотки, которые заставляют кожу светиться. Боюсь, вы перепутали нас с клиникой эстетической хирургии.

Волков усмехнулся. Усмешка была кривой, лишенной всякого тепла. — Бросьте. Я читаю отчеты. Я вижу паттерны. Лоренцо Валли. Марсель Дюпон. Энрико Феррари. Три крупных игрока на европейском рынке за последние полгода внезапно теряют хватку, начинают рыдать на публике и переписывать состояния на жен. И все их жены, как по волшебству, в последние месяцы перед этим становились постоянными клиентками вашего... «бутика».

Он подался вперед, его глаза сузились. — В закрытых клубах Давоса и Монако шепчутся, что *Aqua Beauty* — это не просто косметика. Шепчутся, что вы предоставляете... дискретные решения. Фармакологические. Для коррекции поведения. Для тех, у кого есть проблемы с... активами, которые начинают вести себя неадекватно.

Я внутри себя медленно, беззвучно выдохнула. *Ну надо же*. Элита действительно шепчется. Но они, в своей бесконечной паранойе и цинизме, поняли все с точностью до наоборот. Они думали, что мы продаем яды и транквилизаторы, чтобы *контролировать* жертв. Они не могли даже представить, что кто-то использует химию, чтобы *освободить* их.

Для Волкова я сейчас была не феминисткой-линчеватель-

ницей. Я была элитным дилером, у которого можно купить «сыворотку послушания» для его жены.

Это было настолько чудовищно и одновременно так идеально для моего плана, что мне стоило огромных усилий, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

— Роман, — мой голос стал тише, интимнее, с легкой хрипотцой. Я включила режим «дорогой, аморальной соучастницы». — То, о чем шепчутся в Давосе... это опасные слухи. Мы законопослушная компания.

— Пятьсот тысяч евро, — перебил он меня, даже не моргнув. — Наличными. Или в крипте. За курс. Мне нужно, чтобы моя жена... оптимизировала свое поведение.

Я сделала вид, что внимательно рассматриваю свои ногти. Идеальный френч. — Оптимизировала? Интересный термин. А в чем, простите, заключается баг?

Волков раздраженно фыркнул. — Елена стала... нестабильной. Она говорит о разводе. Она требует доступа к счетам. Она перестала принимать свои... витамины, которые я ей подбираю. И, что самое странное, она начала пользоваться вашими кремами. *Aqua Glow*. С тех пор ее когнитивные искажения только усилились. Она стала дерзкой. Мне нужен антидот. Или... стабилизатор. Что-то, что вернет ее к базовым настройкам. Спокойствие. Подчинение. Понимание своего места в экосистеме нашего брака.

Я слушала его, и внутри меня закипала холодная, кристаллическая ярость. Он говорил о живой женщине так, буд-

то обсуждал зависший сервер, который нужно перезагрузить жестким сбросом. Он не просто хотел ее убить или избить. Он хотел стереть ее личность, перепрошить ее мозг, чтобы она стала удобной функцией в его жизни.

— Понимаю, — кивнула я, позволяя себе сочувственную улыбку. — Синдром отмены. Наши продукты содержат высокие концентрации пептидов и ниацинамида. Они улучшают не только микроциркуляцию в коже, но и... когнитивные функции. Мозг получает больше кислорода. Женщина начинает яснее мыслить. А когда женщина начинает яснее мыслить, она, к сожалению, часто вспоминает, что ей не нравится, как с ней обращаются.

Волков стукнул кулаком по кожаному подлокотнику. — Вот именно! Это побочный эффект! Мне нужно, чтобы вы синтезировали мне соединение, которое нейтрализует этот эффект. Что-то, что я могу добавлять ей в утренний смузи. Чтобы она была... мягкой. Сговорчивой.

Я наклонилась ближе, опираясь локтями на колени. — Роман. То, что вы просите... это не косметика. Это нейрофармакология. Это требует индивидуального подхода. Мне нужно понимать ее биохимию. Ее вес, ее метаболизм, какие именно «витамины» вы ей даете. Если я дам вам неправильную дозу, она может не просто стать «мягкой». Она может стать овощем. А вам, насколько я знаю, нужна дееспособная подпись на документах о слиянии с китайским конгломератом, верно?

Волков замер. Его глаза расширились на долю миллиметра. *Бинго*. Матео был прав. Он использует ее как прокси.

— Откуда вы... — начал он. — Я читаю финансовые новости, Роман, — перебила я его с легкой, снисходительной улыбкой. — Ваша жена владеет 30% акций через траст. Без ее подписи сделка не пройдет. Вам нужна она в ясном уме, но без воли. Это тонкая грань.

Волков медленно выдохнул, его плечи слегка расслабились. Он купился. Он увидел во мне циничную, расчетливую суку, которая понимает правила игры больших денег.

— Хорошо, — сказал он. — Что вам нужно? — Образец ее крови. И волос. И пятьсот тысяч евро на счет в Лихтенштейне в качестве депозита. И... — я достала из кармана пиджака тонкий, элегантный планшет, — ...подпишите вот это. Стандартное соглашение о неразглашении и отказе от претензий в случае... непредвиденных аллергических реакций.

Я протянула ему стилус. Волков, не глядя, чиркнул свою подпись на экране. Планшет тихо пискнул, считывая не только росчерк, но и биометрию его пальца, а скрытая камера в рамке сделала четкий снимок его сетчатки, когда он наклонился к экрану.

Спасибо, Роман, мысленно поблагодарила я. Матео сейчас будет очень доволен твоими отпечатками.

— Завтра утром мой курьер заберет образцы из вашего пентхауса, — сказала я, забирая планшет. — А пока... я дам вам прототип.

Я подошла к скрытому сейфу в стене, ввела код и достала крошечный флакон из темного стекла без этикетки. — Это «Фаза Ноль». Капайте ей по две капли в вечерний чай. Это не сделает ее овощем, но замедлит ее реакцию, вызовет легкую апатию и сонливость. Она перестанет спорить. У вас будет пара дней, чтобы подготовить документы для слияния. А потом я сделаю основной состав.

Волков взял флакон. В его глазах вспыхнул жадный огонек триумфа. Он чувствовал себя богом, только что купившим пульт управления реальностью. — Вы удивительная женщина, Джулия, — сказал он, пряча флакон в карман. — Я начинаю понимать, почему ваши клиенты так щедры.

— Мы просто заботимся о гармонии в семьях, Роман, — ответила я с абсолютно каменным лицом.

Он ушел, оставив после себя запах *Oud Wood* и ощущение, будто в стерильную операционную зашел человек в грязных ботинках.

Как только дверь за ним закрылась, я рухнула на диван, закрыв лицо руками. Меня трясло. Не от страха. От омерзения. Я чувствовала себя так, будто только что пожала руку самому дьяволу, и дьявол оказался скучным технарем с комплексом Napoleone.

Я достала телефон и набрала Матео. Он ответил на первом же гудке. — Скажи мне, что ты не продала ему настоящую «Аква Эмпатию», — выпалил он вместо приветствия. — Я продала ему концентрированный экстракт корня вале-

рианы, ромашки и мелатонина, замаскированный под нейрореплетик, — устало ответила я, глядя в потолок. — Он будет капать это себе в чай, думая, что это для жены.

В трубке повисла тишина, а затем раздался тихий, злобный хихикающий звук. — Джулс... ты гений. Если он будет принимать ударные дозы мелатонина и валерианы, он будет спать по 14 часов в сутки. Его когнитивные функции упадут до уровня ленивца. Он не сможет подписать ни одного документа, не проснувшись посередине предложения.

— Именно, — я улыбнулась, чувствуя, как напряжение начинает отступать. — Но это лишь трансдермальный патч. Нам нужно вытаскивать Елену. Сегодня ночью. Пока он спит как сурок.

— Я уже готовлю дронов, — голос Матео стал серьезным, в нем зазвенела сталь. — И Джулс... я нашел кое-что еще в его облаке. У него есть физический сервер в подвале пентхауса. Сейф с биометрическим замком. Там хранятся оригиналы флешек с компроматом на половину европейского истеблишмента. Если мы заберем Елену, но оставим сервер, он использует эти данные, чтобы уничтожить ее через суды. Нам нужно всё.

Я встала, поправляя пиджак. Отражение в зеркале показывало женщину, которая только что продала душу дьяволу за полмиллиона евро. Но в глазах этой женщины горел огонь инквизиции.

— Значит, мы идем на ограбление, — сказала я в трубку.

— Готовь кемпер, Матео. И скажи Софии, чтобы она доставала свой лучший костюм. Нам понадобится лайф-коуч.

Я отключила связь и вышла из VIP-комнаты. В бутике Алессандро как раз провожал графиню, вручая ей пакет с покупками.

— Отличный день, синьора Тофана? — спросил он, улыбаясь. — Потрясающий, Алессандро, — ответила я, вдыхая запах белого чая и хиноки. — Мы только что сделали мир немного чище. Закрывай бутик. У нас сегодня ночная смена.

Глава 5. Золотая клетка и гиалуроновая кислота (POV: Елена)

Пентхаус Романа занимал два последних этажа небоскреба в районе Порта Нуова. Сорок второй и сорок третий. Выше облаков, выше шума, выше жизни.

Из панорамных окон открывался вид на весь Милан — на шпили Дуомо, на зеленые холмы вдалеке, на огни автострад, которые ночью превращались в золотые реки. Но для меня этот вид был не панорамой. Он был экраном. Огромным, 8К экраном, на который проецировалась жизнь, в которой я не участвовала.

Меня зовут Елена. Мне тридцать два года. Я владею 30% акций компании стоимостью в два миллиарда евро. И я не могу выйти из собственной спальни без разрешения.

Я лежала на кровати размером с теннисный корт, уставившись в потолок. Потолок был обтянут белым шелком, и в него были встроены сотни крошечных LED-точек, которые имитировали звездное небо. Роман заказал эту инсталляцию у какого-то японского художника за баснословные деньги. "Чтобы ты чувствовала себя ближе к космосу", — сказал он тогда, целуя меня в лоб.

Сейчас эти искусственные звезды смотрели на меня, как

глаза надзирателей.

На моем запястье вибрировали умные часы. Я даже не смотрела на экран. Я знала, что они показывают. Пульс: 112 ударов в минуту. Уровень кортизола: повышен. Рекомендация: дыхательные упражнения.

Конечно, повышен, подумала я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Я в тюрьме, которая стоит как годовой бюджет небольшой страны. Мой муж — социопат, который использует меня как биометрическую флешку для своих офшоров. И я ношу на руке браслет, который следит за тем, чтобы я не слишком сильно паниковала по этому поводу.

Часы снова завибрировали. На этот раз на экране появилось уведомление: «Обнаружен стресс. Активирую протокол релаксации. Пожалуйста, оставайтесь на месте».

Я закрыла глаза. Через три секунды из скрытых диффузоров в стенах начал струиться аромат лаванды и ромашки. Свет в комнате медленно приглушился, перейдя из холодного белого в теплый янтарный. Из невидимых динамиков полилась музыка — что-то эмбиентное, с звуками дождя и тибетских чаш.

Это было изощренно. Это было технологично. Это было чудовищно.

Роман не бил меня. Он не кричал на меня (по крайней мере, не часто). Он просто... перепрограммировал меня. Если я начинала плакать, дом "успокаивал" меня ароматами и му-

зыкай, заставляя мой мозг думать, что моя тревога беспричинна, что это просто химический дисбаланс, который нужно лечить таблетками. Если я пыталась выйти из дома без его разрешения, двери блокировались, а в коридоре включался белый шум такой громоты, что у меня начиналась мигрень.

Он превратил мой дом в терапевтическую камеру. И постепенно, месяц за месяцем, я начинала верить, что он прав. Что я больна. Что мне нужна его забота. Что без него я не смогу функционировать.

Но последние три недели что-то изменилось.

Я села на кровати, откинув шелковое одеяло. Мои ноги коснулись прохладного мраморного пола. Я подошла к туалетному столику, на котором в идеальном порядке стояли десятки флаконов и баночек. Все они были от *Aqua Beauty*.

Три недели назад, в один из тех редких дней, когда Роман был в командировке в Сингапуре, я нашла в интернете этот бренд. Отзывы были восторженными. Женщины писали не просто о том, как крем улучшил их кожу. Они писали о том, как они почувствовали себя... сильнее. Увереннее. Как будто вместе с увлажнением приходила какая-то внутренняя ясность.

Я заказала набор "Aqua Glow" на свое имя, используя карту, о которой Роман не знал (подарок от бабушки, которую он считал уже мертвой). И когда я начала пользоваться сывороткой... что-то щелкнуло.

Это было не магия. Это не было мгновенным прозрением.

Это было как... как если бы кто-то медленно, слой за слоем, снимал с моих глаз пленку, которую я даже не замечала. Я начала замечать вещи. Как Роман говорит со мной. Как он контролирует каждый мой шаг. Как он использует меня.

И самое главное — я перестала верить, что я сумасшедшая.

Дверь в спальню тихо открылась. Я вздрогнула, рефлексивно оборачиваясь. Но это был не Роман. Это был его личный ассистент, молодой парень по имени Игорь, с лицом, на котором навсегда застыло выражение вежливого безразличия.

— Елена Викторовна, — его голос был ровным, как у GPS-навигатора. — К вам прибыл косметолог. VIP-консультация от *Aqua Beauty*. Синьор Волков одобрил визит.

Я нахмурилась. — Я не заказывала консультацию. — Это комплимент от бренда для наших постоянных клиентов, — Игорь не моргнул. — Консультант ждет в гостиной.

Я посмотрела на часы. 14:47. Романа не будет дома до вечера. Он на встрече с инвесторами. Это был мой шанс. Не знаю, шанс на что, но моя интуиция, которую Роман так старательно пытался заглушить, кричала мне, что это важно.

— Хорошо, — сказала я, вставая. — Дай мне пять минут.

Я быстро переоделась в шелковую блузу и широкие брюки, которые скрывали дрожь в коленях. Посмотрела на себя в зеркало. Кожа действительно стала лучше. Сияющей. Как будто изнутри. Это не могло быть просто гиалуроновой кис-

лотой. Это было что-то еще. Что-то, что возвращало мне меня.

Я вышла в гостиную. Огромное пространство с панорамными окнами, белой мебелью и абстрактными картинами на стенах, которые стоили дороже, чем моя детская школа. Посреди комнаты, на низком стеклянном столике, были разложены инструменты косметолога: кисти, флаконы, одноразовые полотенца.

И там стояла она.

Женщина лет тридцати с темными волосами, собранными в небрежный пучок. Она была одета в безупречный белый костюм, который сидел на ней так, будто его сшили прямо на ней. От нее пахло чем-то свежим и чистым — не духами, а скорее... воздухом после грозы.

Она обернулась, и я увидела ее глаза. Темные, умные, с легкой искрой иронии. В них не было жалости. В них было что-то другое. Узнавание.

— Елена, — ее голос был мягким, но в нем звучала сталь. — Меня зовут Джулия. Я из *Aqua Beauty*. Прошу, садитесь.

Я опустилась на диван, чувствуя себя неловко. — Я... я не совсем понимаю, зачем эта консультация. Я просто пользуюсь вашей сывороткой. — И это прекрасно, — Джулия открыла один из флаконов, и в воздухе разлился аромат бергамота и белого чая. — Но наша философия — это не просто уход за кожей. Это уход за... целостностью личности.

Она подошла ближе, ее пальцы легко коснулись моего ли-

ца. Прикосновение было прохладным и уверенным. — Закройте глаза, Елена. Расслабьтесь.

Я подчинилась. Ее пальцы начали наносить что-то на мою кожу — легкими, круговыми движениями. Это был не просто крем. Это было... ритуал.

— Ваша кожа в отличном состоянии, — сказала Джулия. — Но я вижу напряжение. В челюсти. В висках. Вы сжимаете зубы, даже когда спите. От чего вы защищаетесь, Елена?

Ее вопрос был таким прямым, таким неожиданным, что у меня перехватило дыхание. Никто не спрашивал меня об этом. Никто не видел меня. Все видели жену Романа Волкова. Актив. Функцию.

— Я... я просто устаю, — пролепетала я. — Усталость — это не то же самое, что страх, — тихо сказала Джулия, продолжая массировать мое лицо. — Страх имеет другой запах. Он пахнет изоамилацетатом. Знаете, как бананы.

Я хмыкнула, несмотря на себя. — Бананами? — Именно. И ваш дом пахнет им. Слабо, но постоянно. Вы живете в состоянии хронического стресса, Елена. И ваш муж... он не помогает вам справиться с ним. Он использует его.

Я открыла глаза, резко садясь. — Что вы сказали?

Джулия не отступила. Она села напротив меня, ее взгляд был прямым и непримиримым. — Я сказала, что ваш муж использует технологии, чтобы контролировать вас. Умные часы, которые следят за вашим пульсом. Двери, которые блокируются. Ароматы, которые заставляют вас чувствовать се-

бя беспомощной. Это не забота, Елена. Это тюрьма.

Мое сердце заколотилось так сильно, что часы на запястье снова завибрировали. *«Обнаружен стресс. Активирую протокол релаксации».*

Из диффузоров снова полилась лаванда. Свет начал приглушаться.

— Видите? — сказала Джулия, кивая на стены. — Дом пытается заставить вас замолчать. Заставить вас думать, что вы слишком чувствительны. Что вам нужно успокоиться. Но вам не нужно успокаиваться, Елена. Вам нужно злиться.

Я смотрела на нее, и что-то внутри меня ломалось. Не ломалось — освобождалось. Словно плотина, которую я строила годами, чтобы не утонуть в собственном отчаянии, вдруг дала трещину.

— Он... он использует меня, — прошептала я, и слова эти показались мне чужими, но одновременно самыми правдивыми, что я произносила за последние годы. — Он подделывает мою подпись. Пока я сплю. Он дает мне снотворное, а потом... потом использует мои отпечатки, мою сетчатку, чтобы подписывать документы. Я его щит. Если что-то случится, в тюрьму сяду я.

Джулия кивнула, как будто я только что подтвердила теорему, которую она уже доказала. — Я знаю, Елена. Мы знаем.

— Кто "мы"? — спросила я, вытирая слезу, которая скатилась по щеке. — Люди, которые считают, что технологии

должны освободить, а не поработать, — ответила она. — И мы можем помочь вам. Но вам нужно довериться мне. Прямо сейчас.

Она достала из своей сумки маленький флакон. Не из тех, что были на столике. Этот был без этикетки, из матового стекла. — Это не крем, — сказала она. — Это антидот. Нейтрализатор. Он блокирует сигнал от ваших часов к системе дома. На три часа. За это время дом будет думать, что вы спите, а вы сможете... делать что угодно.

Я посмотрела на флакон. Потом на часы. Потом на Джулию. — Зачем вы это делаете? — спросила я. — Вы же меня даже не знаете.

Джулия улыбнулась, и в этой улыбке было что-то древнее, что-то, что выходило за рамки этого пентхауса, этого города, этого века. — Потому что триста лет назад моя прапрабабушка делала то же самое. Только тогда мы использовали мышьяк. Сейчас у нас есть гиалуроновая кислота и Python. Методы меняются, Елена. Миссия — нет.

Я протянула руку и взяла флакон. Стекло было прохладным. — Что мне нужно делать?

Джулия встала, начиная собирать свои инструменты. — Нанесите это на запястье, под часы. Подождите десять минут. Затем идите в кабинет Романа. Там есть сейф с биометрическим замком. Приложите палец — он откроется. Внутри вы найдете флешку. Черную, с красной полосой. Возьмите ее. Это ваша страховка. Ваш компромат на него.

— А потом? — спросила я, чувствуя, как внутри меня разгорается что-то, чего я не чувствовала годами. Надежда. Или ярость. Или и то, и другое.

— А потом, — Джулия подошла к двери, обернувшись на пороге, — мы заберем вас отсюда. Сегодня ночью. Пока он спит под действием того, что он считает лекарством для вас.

Она открыла дверь. — Добро пожаловать обратно в жизнь, Елена. Она будет страшной. Но она будет вашей.

Дверь закрылась. Я осталась одна в огромной, стерильной гостиной. За окном Милан жил своей жизнью. Люди ходили по улицам, пили кофе, смеялись, ссорились, занимались любовью. Жили.

Я посмотрела на флакон в своей руке. Потом на часы, которые продолжали вибрировать, пытаясь убедить меня, что я больна, что мне нужна помощь, что я не могу справиться сама.

Я открыла флакон. Аромат был странным — металлическим, с ноткой озона. Я нанесла каплю на запястье, прямо под ремешок часов.

Десять минут, подумала я. Десять минут, чтобы стать свободной.

Я закрыла глаза и начала считать. Впервые за годы я не ждала, пока дом скажет мне, что делать. Впервые за годы я сама выбирала свой следующий шаг.

И это было самое страшное и самое прекрасное чувство в моей жизни.

Глава 6. Цифровой след и ретинол (POV: Матео)

Лаборатория гудела, как улей, в котором пчелы решили заняться майнингом криптовалют.

Семнадцать серверов, выстроенных в ряд вдоль северной стены, выделяли столько тепла, что климатическая система работала на пределе своих возможностей. Воздух был сухим, стерильным, с привкусом озона — этот запах всегда напоминал мне грозу, запертую в банке. Мне нравилось. Озон пах чистотой. Он пах контролем.

Я сидел в центре полукруга из мониторов, как паук в цифровых тенетах. Мои пальцы порхали над клавиатурой со скоростью, которая, наверное, впечатлила бы пианиста-виртуоза. Но я не играл музыку. Я играл симфонию взлома.

На экране передо мной была схема империи Романа Волкова. Его «Volkov Tech» — это был не просто бизнес. Это был лабиринт из офшоров, трастов, дочерних компаний и подставных фондов, запутанный настолько, что даже аудиторы из «Большой четверки» сдавались после третьей недели попыток разобраться.

Но я не аудитор. Я алхимик. А алхимия — это искусство превращения хаоса в порядок.

— Ладно, Рома, — пробормотал я, щелкая по клавише

Enter. — Посмотрим, где ты спрячешь свои грешки.

Мой скрипт-краулер, которого я ласково назвал «Таракан» (потому что тараканы выживают даже в ядерной войне), полз по внутренним серверам Волкова, собирая метаданные. Каждые три секунды на моем втором мониторе появлялась новая строчка информации.

IP: 185.234.XX.XX — Кипр Транзакция: \$4.2М — перевод на счет в Сингапуре Получатель: Volkov Holdings Pte. Ltd.

— Банально, — вздохнул я. — Сингапур? Серьезно? Это как прятать записку в банке из-под печенья. Все знают, что она там.

Но мне нужны были не просто счета. Мне нужна была архитектура. Мне нужно было понять, как Волков использует Елену как прокси. Где именно она подписывает документы? Какие биометрические данные используются? Как система верифицирует, что подпись настоящая, а не подделка?

Я открыл терминал и начал писать запрос к API системы документооборота Volkov Tech. Мои пальцы замелькали над клавишами.

```
python
```

```
import requests
```

```
import json
```

```
from cryptography.fernet import Fernet
```

```
# Генерирую фальшивый токен авторизации
```

```
fake_token = generate_legitimate_looking_token()
headers = {
'Authorization': f'Bearer {fake_token}',
'User-Agent': 'VolkovTech-Internal/3.2.1',
'X-Request-ID': generate_uuid()
}
```

Запрашиваю логи подписания документов за последние

6 месяцев

```
response = requests.get(
'https://api.volkovtech.internal/docs/signatures',
headers=headers,
verify=False # Извини, Рома, но твой SSL-сертификат ме-
ня не остановит
)
```

Я нажал Enter. На экране замелькали JSON-объекты.

Document ID: 8834-A Signed by: Elena V. Timestamp: 2026-03-14 03:47:22 Biometric verification: Fingerprint + Retina scan Location: Volkov Residence, Master Bedroom

Я замер.

Три часа ночи. Мастер-спальня. Биометрическая верификация — отпечаток пальца и сканирование сетчатки.

— Ты подписывал документы, пока она спала, — прошептал я, чувствуя, как внутри меня поднимается холодная, кристаллическая ярость. — Ты подсовывал ей планшет, прикла-

дывал ее палец к сканеру, открывал ей веко и сканировал сетчатку. Пока она была под действием седативных.

Я открыл другой терминал и начал анализировать временные метки. Паттерн был очевидным. Каждые две-три недели, всегда между 2:00 и 4:00 ночи, всегда в мастер-спальне, Елена «подписывала» документы.

Мразь. Технологическая, высокоэффективная, оцифрованная мразь.

Но ярость — плохой советчик в хакерском деле. Ярость заставляет делать ошибки. А ошибки в моем мире стоят не просто денег. Они стоят свобод.

Я сделал глубокий вдох. Лаванда. Линалоол связывается с ГАМК-рецепторами. Спокойствие. Фокус.

— Ладно, Матео, — сказал я себе. — План. Шаг первый: найти все поддельные подписи. Шаг второй: аннулировать их. Шаг третий: перевести реальные активы на Елену. Шаг четвертый: заблокировать Волкову доступ к его же империи.

Но для этого мне нужен был физический доступ к его главному серверу. Сервер находился в подвале пентхауса, за биометрическим замком, который требовал отпечатка пальца самого Волкова.

И тут у меня была проблема. У меня был отпечаток Волкова — Джулс сняла его вчера с планшета, когда он подписывал договор в бутике. Но отпечаток был двумерным. Биометрические сканеры такого уровня защиты проверяют не просто узор папиллярных линий. Они проверяют темпера-

туру кожи, электрическое сопротивление, пульсацию капилляров.

Мне нужно было создать трехмерную модель его пальца. С живыми тканями.

Я открыл программу для 3D-моделирования и начал работать. Мои руки двигались уверенно. Это была моя стихия. Химия материалов. Я знал, как создать силиконовую основу, которая будет имитировать упругость человеческой кожи. Я знал, как добавить углеродные нанотрубки, которые будут проводить электричество, как настоящие нервные окончания. Я знал, как встроить микро-насос, который будет создавать пульсацию, имитирующую сердцебиение.

Через два часа у меня на столе лежал искусственный палец, который выглядел пугающе реалистично. Я даже добавил пару волосков на фаланге — Волков был не из тех, кто делает идеальный маникюр.

— Красавец, — прошептал я, рассматривая свое творение под увеличительным стеклом. — Ты откроешь нам дверь в ад.

Но это была только половина дела. Мне нужно было написать вирус, который перепишет историю. Вирус, который найдет все поддельные подписи Елены и аннулирует их задним числом. Вирус, который переведет активы на ее имя и заблокирует Волкова.

Я открыл новый файл в IDE и начал писать код.
python

```
class JusticeVirus:
    def __init__(self):
        self.target_systems = [
            'volkovtech_financial',
            'volkovtech_legal',
            'offshore_trust_management'
        ]
        self.elena_signature_hash =
self.calculate_elena_signature_hash()

    def find_fake_signatures(self):
        # Ищем все документы, подписанные Еленой между 2:00
и 4:00 ночи
        # Это биологически невозможно для человека, который
не страдает лунатизмом
        pass

    def annul_signatures(self):
        # Аннулируем подписи, помечая их как "подозрительные"
        # Переводим активы на безопасные счета
        pass
```

Мои пальцы летали над клавиатурой. Код рождался, как музыка. Каждая функция — это нота. Каждый класс — это аккорд. Я создавал симфонию возмездия.

И тут мой браслет завибрировал.

Я скосил глаза на экран.

Уведомление от системы климат-контроля лаборатории №3: Температура превысила допустимый предел. Текущая: 22.3°C. Критическая: 22.0°C. Продукт: Ретинол ночной крем, партия #2847.

— Черт! — взвизгнул я, вскакивая со стула так резко, что кресло откатилось и ударилось о стену.

Ретинол. Партия #2847. Это была наша флагманская партия. Крем, над формулой которого я работал полгода. Ретинол в концентрации 1% с инкапсулированной доставкой, которая должна была проникать в глубокие слои эпидермиса, не вызывая раздражения. Этот крем стоил дороже, чем мой автомобиль. Если температура поднимется выше 22 градусов хотя бы на десять минут, ретинол деградирует. Молекула разрушится. Полгода работы — коту под хвост.

Я бросился к двери, ведущей в лабораторию №3. Мои кроссовки шлепали по антистатическому линолеуму.

Лаборатория №3 была меньше основной, но не менее важной. Здесь мы хранили готовые продукты перед отправкой. И здесь, в климатической камере, созревала партия #2847.

Я подбежал к камере и посмотрел на дисплей. 22.4°C. Температура продолжала расти.

— Давай, давай, — бормотал я, лихорадочно нажимая кнопки на панели управления. — Понизься. Ну же.

Но система не реагировала. Я открыл панель доступа и

заглянул внутрь. Компрессор гудел, но явно не справлялся. Что-то было не так с хладагентом.

Я схватил телефон и набрал номер нашего техника, Марко (не того Марко из Интерпола, а другого, нашего).

— Алло? — сонный голос ответил на третьем гудке. — Марко, у нас проблема с климатом в третьей лаборатории! Ретинол деградирует! Мне нужно, чтобы ты приехал прямо сейчас! — Матео, сейчас три часа ночи... — МНЕ ПЛЕВАТЬ! — заорал я. — Если ретинол свернется, Джулс убьет меня! А потом убьет тебя за то, что ты не приехал! У тебя есть двадцать минут!

Я бросил трубку и вернулся к камере. Температура: 22.6°C.

Я начал лихорадочно думать. Ретинол стабилен при температуре до 25 градусов, если это кратковременное воздействие. Но если температура будет держаться выше 22 градусов больше часа, начнется необратимая деградация.

Мне нужно было выиграть время.

Я побежал обратно в основную лабораторию, схватил портативный кондиционер, который мы использовали для охлаждения серверов во время пиковых нагрузок, и потащил его обратно. Кондиционер весил килограмм двадцать, и мои руки начали ныть уже через минуту.

Я установил его рядом с камерой, направил поток холодного воздуха на дверцу и включил на максимум. Шум стоял такой, будто мы собирались взлететь.

Температура: 22.5°C. Стабилизировалась. Но не падала.

— Держись, малыш, — прошептал я, глядя дверцу камеры, как будто это было живое существо. — Папа здесь. Папа не даст тебе умереть.

Я вернулся к компьютеру, но не мог сосредоточиться. Каждые тридцать секунд я вскакивал и бежал проверять температуру. 22.5. 22.5. 22.5. Стабильно, но критично.

И тут, на одном из моих мониторов, замигал красный индикатор.

ВНИМАНИЕ: Обнаружена аномалия в сетевом трафике. Источник: IP 91.234.XX.XX (Милан, Италия). Попытка несанкционированного доступа к серверу volkovtech_legal.

Мое сердце пропустило удар.

Я бросился к монитору. Кто-то пытался отследить мой взлом. Кто-то заметил «Таракана».

Я быстро открыл логи. Мой краулер был обнаружен системой ИИ-безопасности Volkov Tech. Их ИИ, которого они, судя по всему, называли «Цербер» (потому что оригинальность умерла в 2010 году), засек аномальную активность и начал трассировку.

— Черт, черт, черт, — бормотал я, лихорадочно набирая команды.

```
bash
```

```
# Отключаю Таракана
```

```
kill -9 $(pgrep tarakan_crawler)
```

```
# Запускаю цепочку прокси  
proxychain_activate tor_exit_nodes=5
```

```
# Запускаю ложный след  
decoy_traffic_start target=nsa.gov
```

Я начал генерировать ложный трафик, направляя его на серверы АНБ, ФБР и еще десятка правительственных агентств. Если «Цербер» попытается отследить меня, он упрется в стену из правительственных файрволлов и решит, что это какая-то межведомственная операция.

Но было поздно. «Цербер» уже засек мой IP. Не точный, конечно — я использовал цепочку прокси. Но достаточно точный, чтобы понять, что взлом идет из Милана.

А это значило, что Волков теперь будет знать, что кто-то пытается проникнуть в его систему. Он усилит защиту. Он начнет проверять Елену еще тщательнее. Он может даже увезти ее из пентхауса.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Я совершил ошибку. Микро-ошибку. Может быть, я не закрыл сессию вовремя. Может быть, мой «Таракан» сделал лишний запрос. Может быть, их ИИ просто был умнее, чем я думал.

Но результат был один: цифровой след. Хвост, который я

оставил за собой, как комета оставляет хвост из пыли и газа.

Мой телефон зазвонил. Джулс.

Я посмотрел на экран. 3:47 утра. Она никогда не звонила так поздно, если это не было чем-то критичным.

Я ответил, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Привет. — Матео, — ее голос был напряженным, как струна. — У нас проблема. Только что София, наша крот в ближнем окружении Волкова, сообщила, что он получил уведомление от своей системы безопасности. Какой-то ИИ засек попытку взлома. Он в ярости. Он требует, чтобы его служба безопасности провела полный аудит всех систем. И он усиливает охрану Елены.

Я закрыл глаза. — Я знаю, Джулс. Это был я. Я оставил след.

В трубке повисла тишина. Я слышал, как она дышит — ровно, контролируемо. Джулс никогда не кричала. Это было страшнее крика.

— Насколько плохо? — спросила она наконец. — Они не знают, кто я. Но они знают, что кто-то из Милана пытался проникнуть в их систему. Волков теперь будет параноить. Он может увезти Елену. Он может... я не знаю, что он может.

— Матео, — ее голос стал жестче. — Мы не можем позволить ему увезти ее. Если она исчезнет, мы ее никогда не найдем. У нас есть максимум сорок восемь часов, чтобы вытащить ее. Иначе она станет призраком.

Я почувствовал, как внутри меня поднимается паника.

Настоящая, животная паника. Не та, которая пахнет изоамилацетатом. Эта пахла металлом и страхом.

— Я могу написать вирус быстрее, — сказал я, хотя сам не был уверен, что это правда. — Мне нужно... мне нужно еще двадцать четыре часа. Я создам фальшивый палец для биометрии. Я напишу код. Я...

— Матео, — перебила она меня. — Остановись. Дыши.

Я закрыл рот. Сделал вдох. Лаванда. Линалоол.

— Ты не один, — сказала Джулс мягче. — Мы команда. Я придумаю, как выиграть время. Ты сосредоточься на вирусе. И... Матео?

— Да? — Как ретинол?

Я моргнул. Из всех вопросов, которые она могла задать, этот был последним, которого я ожидал.

— Что? — Ретинол. Партия #2847. Ты упоминал в сообщении, что температура в лаборатории поднимается. Ты спас крем?

Я посмотрел на дисплей климатической камеры. Температура медленно падала: 22.3°C. Видимо, портативный кондиционер начал справляться.

— Да, — выдохнул я. — Да, я его спас. Он в порядке. — Хорошо, — сказала Джулс, и я услышал в ее голосе улыбку. — Тогда все будет хорошо. Мы справимся. Просто... не забывай дышать. И не забывай, что мы делаем это не только ради кода. Мы делаем это ради людей.

Она отключилась.

Я сидел, глядя на черный экран телефона, и чувствовал, как паника медленно отступает. Джулс была права. Я не один. Мы команда. И мы делаем это не ради цифр на экранах. Мы делаем это ради Елены. Ради Виттории. Ради всех женщин, которые застряли в золотых клетках и не знают, как из них выбраться.

Я повернулся обратно к мониторам. Красный индикатор все еще мигал, но теперь он не вызывал у меня страха. Он вызывал у меня решимость.

— Ладно, «Цербер», — пробормотал я, открывая новый терминал. — Ты хочешь играть? Давай играть. Но я предупреждаю: я выигрываю всегда.

Я начал писать новый код. Быстрее. Умнее. Точнее.

```
python
```

```
class GhostVirus(JusticeVirus):
    def __init__(self):
        super().__init__()
        self.stealth_mode = True
        self.polymorphic_code = True # Код, который меняет свою
сигнатуру
        self.zero_day_exploit = load_exploit('CVE-2026-XXXX')

    def infiltrate(self):
        # Используем уязвимость нулевого дня в их системе
        # Проникаем как легитимное обновление
```

pass

Мои пальцы летали над клавиатурой. Я создавал не просто вирус. Я создавал призрака. Код, который менял свою сигнатуру каждые тридцать секунд, как хамелеон меняет цвет. Код, который проникал в систему, маскируясь под легитимное обновление безопасности. Код, который делал свою работу и исчезал, не оставляя следов.

Через четыре часа у меня был рабочий прототип.

Я запустил его в песочнице — изолированной виртуальной среде, которая имитировала систему Volkov Tech. На экране замелькали логи.

Infiltration successful Scanning for fake signatures... Found 47 suspicious documents Annulling signatures... Transferring assets to Elena Volkova's secure accounts... Blocking Roman Volkov's access... Mission accomplished

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя смесь триумфа и истощения. Вирус работал. Он был идеален.

Но это была только симуляция. В реальной системе все могло пойти не так. Могли быть неожиданности. Мог сработать какой-то защитный механизм, который я не предусмотрел.

Мне нужно было протестировать его на реальной системе. Но для этого мне нужен был физический доступ к серверу Волкова. Мне нужен был фальшивый палец. И мне нужна была ночь, когда Волков будет спать под действием моего

«лекарства».

Я посмотрел на часы. 7:23 утра. За окном начинало светать. Небо над Миланом было серым, как старый бетон.

Мой телефон снова зазвонил. Марко-техник.

— Я у двери, — сказал он сонно. — Впускай.

Я открыл ему. Марко вошел, неся коробку с инструментами. Он посмотрел на меня, на мои красные глаза, на портативный кондиционер, который все еще гудел рядом с климатической камерой.

— Матео, — сказал он, качая головой. — Ты выглядишь так, будто не спал трое суток. — Я не спал, — ответил я. — Я спасал ретинол. — Ретинол? — Марко посмотрел на камеру. — Серьезно? Из-за крема? — Это не просто крем, — сказал я, чувствуя, как внутри меня поднимается защитная ярость. — Это искусство. Это шесть месяцев моей жизни. Это... это то, что мы даем женщинам, чтобы они чувствовали себя красивыми. Чтобы они чувствовали себя защищенными.

Марко посмотрел на меня долгим взглядом. Потом улыбнулся. — Ладно, алхимик. Давай чинить твой компрессор.

Пока Марко копался в климатической камере, я вернулся к компьютеру. Мне нужно было подготовить все для операции. Фальшивый палец лежал на столе, глядя на меня своими искусственными глазами. Вирус был готов. План был ясен.

Оставалось только одно: вытащить Елену.

Я открыл чат с Джулс.

«Вирус готов. Палец готов. Когда начинаем?»

Ответ пришел через минуту.

«Сегодня ночью. Волков выпил свое «лекарство» и спит как убитый. София на месте. Мы забираем Елену и сервер. Готовь кемпер. Мы уезжаем из Милана».

Я посмотрел на фальшивый палец. На мониторы с кодом. На климатическую камеру, где температура наконец-то стабилизировалась на 21.8°C.

— Ладно, — прошептал я в пустоту лаборатории. — Поехали.

Я начал собирать вещи. Ноутбук. Фальшивый палец. Флешки с вирусом. И, конечно, несколько баночек ретинола. Потому что даже во время ограбления нельзя забывать об уходе за кожей.

В конце концов, мы же не какие-то дилетанты. Мы Клан Тофана. И у нас есть стандарты.

Глава 7. Допрос с пристрастием к кокосу (POV: Марко)

Ордер на обыск лежал передо мной на столе, пахнувший свежей типографской краской и бюрократическим триумфом. Я смотрел на него так, как смотрят на выигрышный лотерейный билет, который, как ты знаешь, никогда не обменяют на деньги.

Прокурор Моретти подписал его только потому, что я пригрозил ему увольнением и публичным скандалом в прессе. Не потому, что он верил в мою теорию о «ведьмах из Милана». А потому, что устал от моих ежедневных звонков, писем и визитов в его кабинет с папками, толстыми, как «Война и мир».

— Вити, — сказал он мне вчера, потирая виски, — вы хотите обыскать спа-салон премиум-класса потому, что их клиенты стали слишком честными? Вы понимаете, как это будет выглядеть? «Интерпол врывается в салон красоты, потому что женщины слишком хорошо выглядят и их мужья внезапно становятся добрыми»? Нас засмеют. Нас распнут в Твиттере.

— Моретти, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал от раздражения, — три человека. Три крупных бизнесмена за полгода. Все они внезапно «прозревают» после то-

го, как их жены начинают посещать один и тот же бутик. Это не совпадение. Это паттерн.

— Это корреляция, а не причинность, — парировал он. — Может, они просто устали быть мудаками. Такое тоже бывает.

Но в конце концов он сдался. Подписал ордер. С условием, что если я ничего не найду, меня отправят в принудительный отпуск на месяц. Без сохранения зарплаты.

Я смотрел на ордер и чувствовал, как внутри меня поднимается странная смесь триумфа и дурного предчувствия. Я получал то, что хотел. Но часть меня — та часть, которая двадцать лет работала в полиции и видела слишком много — знала, что это будет ошибкой.

Но я уже зашел слишком далеко.

Я встал, потянулся (позвоночник хрустнул, как старый паркет), и направился в комнату для брифингов. Там меня ждала команда: шесть человек из отдела по борьбе с организованной преступностью, два техника по электронике и четверо бойцов спецназа в полной экипировке.

Они выглядели так, будто собирались штурмовать бункер наркобарона. Бронежилеты, шлемы, автоматы НК416, тактические очки ночного видения. Капитан спецназа, здоровяк по имени Риккардо с шрамом через всю щеку, смотрел на меня так, будто я был сумасшедшим.

— Инспектор, — сказал он, когда я вошел, — вы уверены, что нам нужен полный штурм? Это же... спа-салон.

— Это не просто спа-салон, — ответил я, стараясь звучать убедительно. — Это фасад. За ним скрывается лаборатория, где производят... психотропные вещества. Нейромодуляторы. То, что превращает нормальных людей в... в кающихся грешников.

Риккардо посмотрел на своих бойцов. Они переглянулись. Я видел, о чем они думают. «Старик Вити наконец-то поехал кукушкой. Слишком много кофе и недосыпа».

— Ладно, — вздохнул Риккардо. — План такой. Мы входим через главный вход и через черный ход одновременно. Контролируем всех сотрудников и клиентов. Никто не выходит без проверки. Техники проверяют все электронные устройства. Инспектор, вы ведете допрос.

Я кивнул.

— И еще, — добавил Риккардо, — если там будут VIP-клиенты... графини, жены политиков... будьте осторожны. Мы не хотим международного скандала.

— Понял, — сказал я.

Мы выехали через двадцать минут. Три черных фургона с тонированными стеклами мчались по улицам Милана, разбрызгивая лужи после ночного дождя. Я сидел в головном фургоне рядом с Риккардо и смотрел в окно на проплывающие витрины. Милан был красивым городом. Но для меня он всегда был городом теней. Местом, где за глянцевыми фасадами скрывались темные дела.

И сегодня я собирался сорвать маску с одного из таких

фасадов.

Спа-салон *Aqua Beauty* находился в элитном районе, на тихой улице, утопающей в зелени. Здание было современным — стекло, белый камень, минимализм. Никаких кричащих вывесок. Только элегантная табличка с логотипом: капля воды, стилизованная под букву А.

Фургоны остановились в пятидесяти метрах от входа. Бойцы спецназа выпрыгнули, заняли позиции. Риккардо дал сигнал.

— Пошли, — сказал он мне.

Я вышел из фургона, чувствуя, как адреналин начинает пульсировать в висках. Это было знакомо. Это было мое. Двадцать лет я делал это — врывался в притоны, в подпольные казино, в лаборатории по производству наркотиков. Это была моя стихия.

Мы подошли к двери. Риккардо кивнул одному из бойцов. Тот достал таран.

— Полиция! Откройте! — заорал он, стуча кулаком в дверь.

Никакой реакции.

Он ударил тараном. Дверь поддалась с глухим стуком. Мы ворвались внутрь, автоматы наготове, крича: «Полиция! Всем на пол! Руки за голову!»

И тут я понял, что что-то не так.

Внутри не было криков. Не было паники. Не было людей, бросающихся врассыпную или пытающихся уничтожить

улики.

Внутри пахло... лавандой. И чем-то еще — жареным миндалем, кажется. Воздух был теплым, влажным, как в тропиках. Играла тихая музыка — что-то эмбиентное с звуками воды и птиц.

Мы стояли в холле. Белый мраморный пол, стены из светлого дерева, живые растения в огромных кадках. Посреди холла — фонтан в виде капли воды, из которой струилась вода, падая в бассейн с золотыми рыбками.

За стойкой ресепшена стояла женщина лет сорока с идеальным каре и кожей, которая сияла так, будто она только что вернулась с месяца отпуска на Мальдивах. Она смотрела на нас с легким удивлением, но без страха.

— Добрый день, — сказала она ровным, спокойным голосом. — Чем могу помочь?

Риккардо подошел к ней, направив автомат в пол. — Полиция. Ордер на обыск. Где ваши сотрудники и клиенты?

Женщина посмотрела на ордер, который я протянул ей, потом на нас — на бойцов спецназа в полной экипировке, на меня в моем помятом костюме.

— Понимаю, — сказала она. — Прошу, следуйте за мной. Но будьте осторожны — полы могут быть скользкими после уборки. И пожалуйста, не наступайте на растения — они очень чувствительные.

Она вышла из-за стойки и повела нас вглубь салона. Мы шли за ней, выглядя, наверное, как идиоты. Бойцы спецназа

с автоматами, идущие за женщиной в белом халате, которая объясняла нам, где находятся раздевалки и процедурные кабинеты.

— Здесь у нас зона релаксации, — говорила она, указывая на комнату с низкими диванами и приглушенным светом. — Здесь клиенты отдыхают после процедур. Здесь — сауна и хаммам. А здесь — лаборатория, где мы смешиваем индивидуальные составы для клиентов.

Мы вошли в лабораторию. Стерильное помещение с хромированными столами, микроскопами, центрифугами. Техники сразу начали осмотр, вскрывая шкафчики, проверяя холодильники.

Я смотрел на полки. Сотни флаконов, баночек, тюбиков. Все с этикетками: «Aqua Glow», «Aqua Hydrate», «Aqua Revive». Я взял один из флаконов, открыл его, понюхал.

Бергамот. Белый чай. Что-то цветочное.

Никакого запаха химии. Никакого подозрительного оттенка.

— Инспектор, — позвал меня один из техников. — Посмотрите на это.

Я подошел. Он стоял перед компьютером, на экране которого была открыта база данных клиентов.

— Здесь списки всех клиентов, их история посещений, какие процедуры они проходили, какие продукты покупали. Все абсолютно прозрачно. Никаких скрытых записей, никаких кодов.

Я нахмурился. — А что насчет... особых клиентов? Тех, кто заказывает что-то необычное?

Техник пожал плечами. — Ничего необычного. Все процедуры стандартные: чистка лица, пилинги, массажи, обертывания. Никаких инъекций, никаких экспериментальных препаратов.

Я повернулся к женщине-администратору, которая стояла рядом, наблюдая за нами с тем же спокойным выражением лица.

— Синьора, — сказал я, — нам поступила информация, что здесь производят вещества, которые... влияют на поведение людей. Нейромодуляторы. Психотропные препараты.

Она посмотрела на меня, как смотрят на ребенка, который утверждает, что видел дракона.

— Инспектор, — сказала она мягко, — мы косметический салон. Мы используем только сертифицированные ингредиенты. Все наши продукты прошли дерматологические тесты. Если вы хотите, я могу предоставить вам все сертификаты, лицензии, результаты лабораторных исследований.

— Я хочу видеть все, — сказал я.

Она кивнула. — Конечно. Пойдемте в мой кабинет.

Мы пошли в ее кабинет. Маленькая, уютная комната с растениями, картинами на стенах и запахом сандала. Она открыла сейф и достала толстую папку.

— Вот, — сказала она, протягивая мне папку. — Все документы за последние три года. Сертификаты на каждый ин-

гредиаент, который мы используем. Лицензии от министерства здравоохранения. Результаты проверок.

Я начал листать. Страница за страницей. Все было идеально. Слишком идеально. Каждый документ был на месте, каждая печать, каждая подпись. Это было не просто соблюдение закона. Это было... произведение искусства.

— Синьора, — сказал я, закрывая папку, — вы понимаете, что три человека — три крупных бизнесмена — внезапно изменили свое поведение после того, как их жены стали вашими клиентками?

Она кивнула. — Конечно, инспектор. Наши продукты действительно улучшают качество жизни. Когда женщина чувствует себя красивой, ухоженной, уверенной в себе — это влияет на всю ее жизнь. Она начинает лучше общаться с мужем, с детьми, с коллегами. Может быть, эти мужчины просто увидели своих жен в новом свете и решили измениться к лучшему. Разве это преступление?

Я смотрел на нее, чувствуя, как внутри меня растет раздражение. Она была права. И это было самое ужасное. Она была абсолютно, кристально права. Закон бессилен против идеального сервиса. Закон бессилен против алиби, которое пахнет лавандой и выглядит как папка с сертификатами.

— Инспектор, — сказала она вдруг, наклоняясь вперед, — вы выглядите очень уставшим. У вас темные круги под глазами, напряжение в плечах. Позвольте мне предложить вам... процедуру. Бесплатно. Тридцать минут массажа и мас-

ка для лица. Вы почувствуете себя лучше.

Я посмотрел на нее, не веря своим ушам. — Вы... предлагаете мне массаж? Во время обыска?

Она улыбнулась. — Почему нет? Вы делаете свою работу. Я делаю свою. И моя работа — помогать людям чувствовать себя лучше. Вы выглядите так, будто вам это нужно.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Это было абсурдно. Это было невероятно. Это было... соблазнительно.

Я не спал нормально три месяца. Моя спина болела постоянно. Я пил слишком много кофе и ел слишком много фаст-фуда. Я выглядел так, будто меня пережевали и выплюнули.

И эта женщина предлагала мне маску для лица.

— Нет, — сказал я наконец, вставая. — Спасибо. Но я на службе.

— Как скажете, — она тоже встала. — Но если передумаете — мы всегда рады вас видеть. Даже после того, как вы закончите... обыск.

Я вышел из кабинета, чувствуя себя побежденным. Не потому, что я ничего не нашел. А потому, что я нашел слишком много. Слишком много порядка. Слишком много совершенства. Слишком много... заботы.

Риккардо ждал меня в холле. — Ну что? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. — Абсолютно ничего. Все чисто.

Он кивнул, как будто ожидал этого. — Отзываем людей?

— Да, — сказал я. — Отзываем.

Мы начали уходить. Бойцы спецназа складывали оружие,

техники паковали оборудование. И тут к нам подошла одна из сотрудниц — молодая девушка с хвостиком и улыбкой, которая могла бы растопить ледник.

— Извините, — сказала она, протягивая мне маленькую корзинку. — Это для вас. Комплемент от салона. За беспокойство.

Я посмотрел в корзинку. Там лежали три маленькие баночки с кремом, бутылка минеральной воды и шоколадка.

— Это... — начал я.

— Увлажняющий крем для рук, маска для лица после стресса и крем для области вокруг глаз, — объяснила она. — Вы выглядите так, будто вам это нужно. Берегите себя, инспектор.

Она улыбнулась и ушла.

Я стоял, держа корзинку, и смотрел ей вслед. Риккардо подошел ко мне, посмотрел на корзинку, потом на меня.

— Они дали тебе... крем? — спросил он, не веря своим глазам.

— Да, — ответил я. — Крем.

Мы вышли на улицу. Дождь закончился, и солнце начало пробиваться сквозь облака. Бойцы садились в фургоны, техника грузили оборудование.

Я стоял, глядя на элегантное здание спа-салона, и чувствовал, как внутри меня что-то ломается. Не моя теория. Не моя вера в справедливость. А моя уверенность в том, что я понимаю, как работает мир.

Двадцать лет я ловил преступников. Людей, которые убивали, грабили, торговали наркотиками. Людей, которые оставляли следы — кровь, отпечатки, ДНК. Людей, которых можно было поймать, потому что они делали ошибки.

Но эти... эти не делали ошибок. Они были совершенны. Они были неуязвимы. Они использовали не страх и насилие, а заботу и красоту. И закон был бессилён против этого.

Я сел в машину, положил корзинку на пассажирское сиденье и посмотрел на нее. Увлажняющий крем. Маска для лица. Крем для глаз.

Я открыл баночку с кремом для рук и понюхал. Лаванда. Миндаль. Что-то еще, неуловимое.

Я нанес немного крема на руки, втер его в кожу. Кожа стала мягче. Аромат был успокаивающим.

И тут я понял.

Я сидел в машине, смотрел на свои руки, намазанные кремом от подозреваемых, и понимал, что я только что проиграл. Не потому, что у меня не было доказательств. А потому, что доказательства не имели значения.

Они были умнее. Они были сильнее. Они были... лучше.

Я завел двигатель и поехал обратно в участок. По дороге я заехал в кофейню, купил себе эспрессо — горький, как всегда, — и выпил его, глядя в окно.

Мой телефон зазвонил. Моретти.

— Вити, — сказал он, даже не поздоровавшись, — мне только что позвонили из мэрии. Жена вице-мэра была в этом

салоне во время вашего... обыска. Она в ярости. Она требует, чтобы вас наказали за унижение.

Я закрыл глаза. — Понял.

— Вити, — голос Моретти стал жестче, — вы в дерьме. Глубоком, вонючем дерьме. Если вы не найдете что-то реальное в ближайшие две недели, я отправлю вас в отпуск. Навсегда.

— Понял, — повторил я.

Он отключился.

Я сидел, глядя на свой телефон, и чувствовал, как внутри меня растет отчаяние. Я был один. Против совершенства. Против красоты. Против... добра, замаскированного под преступление.

И я не знал, что делать.

Я посмотрел на корзинку, лежащую на пассажирском сиденье. Достал маску для лица. Прочитал инструкцию: «Нанести на очищенную кожу, оставить на 15 минут, смыть теплой водой. Для снятия стресса и усталости».

Я усмехнулся. Горько, цинично.

— Ладно, — сказал я вслух, обращаясь к пустой машине. — Посмотрим, насколько хороша ваша маска.

Я поехал домой. В свою маленькую, неудобную квартиру, которая пахла старыми книгами и одиночеством. Я принял душ, намазал маску на лицо и лег на диван, глядя в потолок.

Маска холодила кожу. Аромат лаванды наполнял комнату. И впервые за три месяца я почувствовал, как напряжение

начинает уходить.

Я закрыл глаза.

И в этот момент я понял, что они победили. Не потому, что я сдался. А потому, что их крем работал. Их маска работала. Их забота работала.

И я не знал, хорошо это или плохо.

Я лежал на диване с маской на лице, слушал тишину квартиры и думал о том, что, может быть, мир не так прост, как я думал. Может быть, иногда добро выглядит как преступление. А преступление — как добро.

И может быть, мне нужно перестать искать ведьм. И начать искать... фей.

Даже если это звучит как бред сумасшедшего.

Даже если это означает, что мне придется мазать лицо кремом каждый день.

Потому что, черт возьми, крем действительно работал.

Глава 8. Исчезновение по-итальянски (POV: Джулс)

Подземный паркинг элитного жилого комплекса в районе Порта Нуова пах эпоксидной смолой, дорогим выхлопом и скрытым отчаянием.

Здесь, на уровне минус три, не было панорамных окон и звездных потолков. Только безупречно ровный серый пол, идеальное светодиодное освещение и тишина, которую нарушало лишь тихое гудение вентиляционных шахт. Это было место, где миланская элита прятала свои самые дорогие игрушки и самые грязные секреты.

Я стояла в тени массивной бетонной колонны, опираясь плечом на прохладный металл. На мне был черный шелковый комбинезон, который не стеснял движений, и кроссовки *Balenciaga* на толстой подошве — потому что бегать по эпоксидке на шпильках *Louboutin* не только неэстетично, но и травмоопасно. В правой руке я сжимала крошечный, матовый баллончик, замаскированный под флакон духов *Tom Ford*.

В наушнике скрытой связи раздался голос Матео. Он звучал так, будто одновременно жевал пиццу и печатал на трех клавиатурах. — *Камеры на минус втором отключены. Петля запущена. На записи сейчас видно, как пустой коридор*

охраняет очень скусающий охранник, которого я сгенерировал с помощью нейросети. Кстати, у него легкое косоглазие, но ИИ-система Волкова слишком тупая, чтобы заметить. Лифт для персонала активирован. Она спускается.

— Приняла, — прошептала я, не шевеля губами. — Как ее пульс? — *Сто тридцать. Она напугана, Джулс. Но она идет. И... флешка у нее. Биометрический сейф открылся. Мы внутри его сервера, я уже начинаю переписывать историю.*

Двери грузового лифта с тихим шипением разошлись.

Елена вышла в паркинг. Она была одета в кашемировый спортивный костюм цвета слоновой кости и темные очки, хотя на улице была ночь. В руке она судорожно сжимала маленький клатч, внутри которого лежала черная флешка с красной полосой — ее страховка, ее компромат, ее билет в новую жизнь.

Она выглядела хрупкой, как фарфоровая чашка, которую только что вытащили из микроволновки. Но когда она увидела меня, ее плечи чуть опустились.

— Джулия, — выдохнула она, ускоряя шаг. Ее голос дрожал. — Я... я сделала это. Я открыла сейф. Но там был какой-то странный звук. Писк.

Я нахмурилась, отталкиваясь от колонны. — Писк? Матео, ты слышал? — *Слышу, Джулс,* — голос Матео внезапно потерял всю свою беспечность. Клавиатурный стук в фоне стих. — *Черт. Черт, черт, черт! У сейфа был вторич-*

ный контур. Скрытый датчик стресса. Он считал не только отпечаток и сетчатку, но и микровибрации кожи. Когда она испугалась, ее гальваническая реакция подскочила. Система пометила доступ как «под принуждением».

— И что это значит? — спросила я, быстро направляясь к Елене и беря ее за локоть, чтобы успокоить. — Это значит, что Волков проснулся. Его «лекарство» не сработало так, как мы думали, или его разбудил сигнал тревоги. И... Дэжулс, у нас гости. На въезде на минус третий. Два черных «Гелендвагена». Бронированные. Это не обычная охрана. Это «чистильщики». Бывшие ЧВК.

Я посмотрела на Елену. — Бежать можешь? Она кивнула, сжимая клатч так, что побелели костяшки пальцев. — Могу.

Мы побежали к нашему автомобилю — неброскому, матово-серому Audi RS6, который был припаркован у самого выезда. Мои кроссовки бесшумно ступали по полу. Мозг работал в режиме сверхзвукового калькулятора, просчитывая траектории, укрытия и варианты отступления.

Но мы не успели.

Из-за поворота рампы с визгом тормозов вылетели два черных внедорожника. Они перекрыли единственный выезд, встав буквой «Т». Двери распахнулись синхронно, как в плохо отрепетированном боевике.

Из машин вышли трое мужчин.

Они выглядели так, будто их собирали по каталогу «Брутальность и Тактичность: Премиум Edition». Черные такти-

ческие костюмы без опознавательных знаков, тяжелые ботинки, перчатки без пальцев (потому что им, видимо, было необходимо чувствовать текстуру спускового крючка и собственного эго). В руках у них были компактные автоматы с глушителями.

Главный из них — двухметровый шкаф с шрамом, рассекающим левую бровь, и взглядом, в котором не было ничего человеческого, — сделал шаг вперед.

— Синьора Волкова, — его голос звучал как скрежет гравия под колесами бульдозера. — Синьор Роман просит вас вернуться в пентхаус. И отдать ему то, что вы взяли из сейфа.

Елена вжалась в меня, ее дыхание стало частым и поверхностным. Я почувствовала, как от нее снова запахло изоамилацетатом. Страх. Чистый, животный.

Я мягко отстранила ее за плечо, выходя вперед. — Добрый вечер, мальчики, — сказала я, позволяя себе ленивую, снисходительную улыбку. — Вы, наверное, из службы доставки? Но боюсь, вы ошиблись адресом. И дресс-кодом. Тактические жилеты в этом сезоне — это абсолютный антитренд.

Шрам нахмурился. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали. — Я не буду повторять дважды. Отдайте флешку и женщину. Иначе мы сломаем вам колени и заберем все сами.

— Ох, — вздохнула я, закатывая глаза. — «Сломаем колени». Как оригинально. Вы что, сценарии для боевиков восьмидесятых читаете перед сном? Матео, ты слышишь этого

парня? Запиши его цитату, я хочу использовать ее для описания нового мужского геля для душа. Назовем его «Бруральная Предсказуемость».

— *Джулс, это не время для маркетинга!* — взвизгнул Матео в ухо. — *Они сейчас начнут стрелять! У тебя есть три секунды, чтобы придумать, как нам не умереть!*

— У меня есть кое-что получше, — прошептала я.

Я медленно опустила руку в карман комбинезона и достала тот самый матовый баллончик.

Шрам заметил движение и вскинул автомат. — Руки! Держи руки так, чтобы я их видел!

— Расслабься, красавчик, — сказала я, поднимая баллончик на уровень груди. — Это просто парфюм. Вы же не против, если я освежусь? В этом гараже ужасно пахнет тестостероном и плохими жизненными решениями.

Я нажала на распылитель.

Но это был не просто парфюм. И это была не «Аква Эмпатия», которая заставляла людей каяться в грехах. Это был экспериментальный прототип, который Матео сварил месяц назад, после того как мы посмотрели слишком много мелодрам. Мы назвали его «Аква Мемория». Или, как я его называла в отчетах, «Слеза Матери».

Обонятельная луковица — это единственная часть мозга, которая имеет прямую, без посредников, связь с лимбической системой. С амигдалой и гиппокампом. Центрами эмоций и памяти. Если вы вдыхаете запах, он минует таламус и

бьет прямо в ваше подсознание, прежде чем вы успеете подумать.

Формула «Аква Мемории» была шедевром ностальгической химии. В ее состав входили синтетические аналоги петрикора (запах земли после дождя), теплого молока, ванили, старого книжного переплета и специфического феромона, который на подсознательном уровне ассоциируется с безопасностью материнских объятий. Плюс микродоза окситоцина, проникающая через слизистую.

Облако невидимого, тонкого аромата окутало троицу наемников.

Первые две секунды ничего не происходило. Шрам держал палец на спусковом крючке, его глаза были холодными и пустыми.

А на третьей секунде его зрачки расширились.

Автомат в его руках дрогнул. Дуло медленно опустилось в пол. Шрам моргнул, и я увидела, как по его грубой, обветренной щеке скатилась первая, тяжелая слеза.

— Мам... — хрипло выдохнул он. Голос этого двухметрового убийцы внезапно стал тонким и дрожащим, как у обиженного пятиклассника. — Мам, прости меня... Я обещал приехать на Рождество... но у меня была работа...

Его напарник, коренастый парень с татуировкой черепа на шее, выронил оружие. Оно с грохотом ударилось об оксидный пол, но он даже не заметил. Он обхватил себя руками за плечи, раскачиваясь из стороны в сторону. — Барсик... —

всхлипнул он, глядя в пустоту. — Мой кот Барсик... Мы его в приют отдали, когда переезжали... Я его больше никогда не видел... Он меня ждал...

Третий наемник просто упал на колени, уткнулся лицом в ладони и зарыдал так, как рыдают только люди, которые тридцать лет не позволяли себе чувствовать вообще ничего. — Я не хотел быть плохим... Я просто не знал, как заработать на ипотеку... — причитал он в бетонный пол.

Елена смотрела на эту сцену, открыв рот. Ее глаза за темными стеклами очков были размером с блюдца. — Что... что вы с ними сделали? — прошептала она. — Они... они плачут?

— Я просто напомнила им, что внутри каждого безжалостного убийцы живет маленький мальчик, которому не хватает мамино борща и который скучает по своему детству, — ответила я, убирая баллончик в карман. — Психологическая регрессия под воздействием обонятельных триггеров. Очень мощная штука. И, главное, абсолютно легальная. В составе только эфирные масла и гормоны счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.